

Джордж Байн

Туман

"Спасите! Пожалуйста! Кто-нибудь, помогите!"

Родгар вскинулся и резко сел в спальном мешке, тараща глаза в лесную тьму. Все было тихо и спокойно. Ни один листик не шелестел в безветренном ночном воздухе, не хрустели ветки под чьими-либо ногами, человеческими или нет, и уж тем более не слышно было никаких звуков сражения. Лишь где-то очень далеко уныло и размеренно вскрикивала ночная птица (довольно жутковатый звук, но Родгар знал, что это *действительно* птица), да глядели сквозь

дырявый полог листвы белые звезды, холодные и крупные, какие можно увидеть лишь безлунной ясной ночью вдали от любых поселений.

И тем не менее Родгар знал, что ему не приснилось. Камень на его груди был теплым и тускло светился, и, сжав его в кулак, Родгар ощутил тяжелую пульсацию. Где-то там, в ночи, в этот самый момент кто-то отчаянно нуждался в помощи. Скорее всего - находился в смертельной опасности. Судя по голосу, это была маленькая девочка. Лет восемь-девять, ну, десять самое большее.

Родгар снова закрыл глаза, сжал камень плотнее и постарался сосредоточиться. Настроиться на идущие сквозь камень эманации и ощутить их источник. Далеко, проклятье, опять далеко! По меньшей мере миль пятьдесят, а скорее еще больше. У него нет никаких шансов успеть. Нет даже смысла вскакивать на коня - тоже, наверное, еще не успевшего толком отдохнуть - и мчаться куда-то сквозь ночь. Самое разумное - перевернуться на другой бок и спать дальше. Может быть, даже сняв до утра этот чертов камень, чтобы не беспокоил его больше. Но Родгар знал, что не сможет так поступить.

Черт, ну почему эта проклятая штука такая чувствительная? Почему она зовет его, когда он не в силах помочь? Может быть, именно поэтому тот тип продал камень Родгару так дешево? Хотя, конечно, будь радиус действия камня не больше десятка миль, что бы изменилось к лучшему? Для тщетно зовущего на помощь издалека - ничего, разумеется. Зато обладатель амулета мог бы спать спокойно. В прямом и переносном смысле.

Но все-таки, может быть, ситуация не безнадежна. Может, эта девочка просто заблудилась в лесу. Или даже, допустим, ее похитили, но не собираются убивать, по крайней мере, пока. Тогда у него - и у нее - есть шанс. Особенно если удастся установить контакт. Это не всегда получается. Попавший в беду может просто не услышать, Родгар так и не знал до сих пор, от чего это зависит - от расстояния или индивидуальных способностей. А может испугаться голоса, зазвучавшего в голове, больше, чем грозящей реальной опасности, и неосознанно заблокировать связь - это самый безнадежный вариант, тогда камень снова станет холодным и черным, не дающим никакой информации...

"Не бойся! Я слышу тебя, - мысленно произнес Родгар, стараясь как можно четче формулировать слова. - Я иду к тебе на помощь. Что у тебя стряслось?"

"Чудовища! - немедленно откликнулся тот же испуганный голосок. - Пришли из леса... напали на нашу деревню... Папу убили, и всех убивают! Мы с мамой спрятались... но они рыщут повсюду... нас найдут и тоже убьют! Мне так страшно!"

Родгар вновь помрачнел. Похоже, его надеждам не суждено оправдаться. Если лесная нечисть захватила деревню, ей не потребуется много времени, чтобы прочесать каждый погреб, сарай или куда там еще могли спрятаться мама с дочкой. Говорят, что у этих тварей прекрасный нюх на людей, и ни злобы, ни целеустремленности им тоже не занимать. Стая волков, ворвавшаяся в овчарню, еще может уйти, зарезав не всех овец. Но эти лесные чудовища никогда не оставляют людей в живых, невзирая на пол и возраст. В цивилизованных центральных провинциях, откуда родом сам Родгар и где уже даже обычные волки и медведи стали редкостью, это считают байками - ну и пускай считают. А в здешних краях это просто факт, известный всем - такой же непреложный, как приход зимы и закат солнца.

И никакие графские дружинники или королевские кавалеристы, само собой, не прискачут на помощь. По той простой причине, что в здешних краях их нет. Мудрый королевский указ объявил дикие западные леса зоной свободного заселения. Всякий может получить здесь в вечную собственность столько земли, сколько сумеет раскорчевать и обрабатывать, не платя ни оброк лорду, ни десятину церкви. Поскольку в центральных областях вся земля до последнего клочка уже давным-давно поделена между феодалами, а на юге армия увязла в затяжной войне с неверными, и уже многие, некогда видевшие в этой войне шанс вырваться из нищеты, сложили головы в южной мясорубке - теперь безземельные крестьяне потоком хлынули в дремучие леса

запада, где никогда прежде не ступала нога человека.

Вот только быстро выяснилось, что лорды и королевские чиновники нужны не только для того, чтобы собирать арендную плату и подати. Их армии и гарнизоны тоже остались на юге и на восточной границе. Именно потому, что они были нужнее там, король и издал тот самый указ. А поселенцы, осваивающие дикие западные земли, оказались один на один с их исконными обитателями, из которых огромные черные медведи, кровожадные волки и свирепые вепри были далеко не самыми страшными...

"Не бойся, - повторил, тем не менее, Родгар, надеясь, что его мысленный голос звучит достаточно убедительно (это только поначалу кажется, будто врать, лукавить или умалчивать при мысленном общении невозможно - на самом деле это такая же речь, как и при обычном разговоре, и собеседник не слышит тех мыслей, которые ты не посылаешь ему специально). - Все будет хорошо. Главное - не двигайся и не издавай никаких звуков, - чем черт не шутит, вдруг их все-таки не заметят? Иногда чудеса все же случаются... - Кричать нельзя, плакать нельзя, с мамой говорить пока нельзя, даже шепотом. Со мной - про себя! - можно. Дышать можно, но тихо-тихо, - он постарался мысленно послать ей улыбку. - Если захочется чихнуть, задержи дыхание и потри нос. Как тебя зовут?"

"Тилли."

"Красивое имя, - он и в самом деле так подумал; это имя вызвало у него мгновенную ассоциацию - звонкая весенняя капель в лучах веселого апрельского солнца. Как ее полностью, интересно - Матильда? Впрочем, сейчас неважно... - Сколько тебе лет?"

"Девять."

Ну да, он примерно так и думал.

"Уже большая девочка", - вновь неискренне произнес он и тут же подумал, что лучше бы ей сейчас быть маленькой. Тогда, возможно, ей бы удалось забиться в какую-нибудь щель, куда монстры не проберутся за ней чисто физически. Это крупные твари, в полтора-два раза выше человека...

"А ты? - требовательно спросила Тилли. - Ты кто?"

"Родгар, - ответил он и вместо родового титула - который, вероятно, ничего не сказал бы юной собеседнице и на который он сам лишил себя права - с невидимой для нее горькой усмешкой добавил: - Странствующий рыцарь."

"Что это такое?"

Хороший вопрос... Ну да - откуда дочери здешних крестьян, которая, очевидно, родилась уже в отвоеванной (как оказалось, ненадолго) у векового леса деревне и никогда не была в более цивилизованных краях, что-то знать о рыцарях и даже королях. Для нее наверняка нет главнее и знатнее человека на земле, чем сельский староста.

"Тот, кто странствует по миру, стараясь помочь тем, кому больше помочь некому", - ответил Родгар все с той же горькой усмешкой. В абсолютном большинстве случаев это была ложь. Притом - опасная для тех, кто примет ее всерьез. Действительность разительно отличалась от романтических сказок, которыми забивали себе головы мечтающие о подвигах мальчишки с деревянными мечами и мечтающие о кавалерах томные барышни за стенами хорошо укрепленных замков. В настоящем странствующем рыцаре благородного нет ничего, кроме происхождения. Как правило, это младший сын, которому, согласно закону о майорате, при дележе наследства не досталось ничего - ни замка, ни земли, ни дружины. Все его имущество - личный конь, оружие и навыки обращения с тем и другим. И все, что ему остается - это странствовать в поисках, в лучшем случае, тех, кто готов платить за эти навыки, а в худшем - тех, с кого можно получить золото не в качестве жалования, а в качестве добычи. То есть карьеры наемника и разбойника, причем одно может с легкостью переходить в другое.

Но Родгар не был младшим сыном. Он был старшим, и именно ему со временем должны были отойти титул, имение и состояние. Но он не собирался отсиживаться за крепкими стенами

отцовского замка в ожидании наследства. На юг, на Священную войну против неверных, он отправился не за трофеями, как многие, а по искреннему убеждению. Нести свет истинной веры и цивилизации погрязшим в нечестии и варварстве язычникам, спасти их души, пусть даже вопреки их желаниям - "ибо не ведают, что творят", устанавливать прочный мир на южных землях и умножать благородную славу королевства и собственного древнего рода...

Быстро выяснилось, правда, что варвары строят на удивление красивые дворцы и храмы, пусть и посвященные ложным богам, что они пишут изысканные поэмы на тонкой хлопковой бумаге, не идущей ни в какое сравнение с грубыми пергаменами Севера (да и грамотны при этом почти поголовно, в то время как в рыцарском войске даже не каждый граф, не говоря уже о дворянах помельче и простолюдинах, способен был написать что-то сложнее собственного имени), и даже в искусствековки оружия превзошли "цивилизованных" северян.

И тем не менее, все это не мешало южанам оставаться погрязшим в нечестии язычниками, чьи нравы внушали ужас и отвращение. Они сажали пленников на кол и сдирали с живых людей кожу, забивали неверных жен камнями (вместо гуманной пожизненной отправки в монастырь - впрочем, у них и монастырей-то не было) и всю практикували рабство, продавая не только пленных, но и своих собственных соотечественников на базарах, как скот. И все это не было пропагандой. Увы, Родгар убедился в правдивости этих историй слишком хорошо, когда в результате внезапной атаки вражеской легкой кавалерии был захвачен барон Грюнхардт, бывший Родгару старшим другом и наставником. На следующей день рыцарское войско обнаружило и захватило лагерь врага и отбило барона... или то, что от него осталось. Грюнхардт был еще жив, но лишился рук, ног, глаз и гениталий. Язык изуверы ему оставили - очевидно, чтобы он мог их умолять. Понятно, с какой единственной просьбой несчастный обратился к своим освободителям... Родгар сам нанес удар милосердия, перед этим поклявшись умирающему другу воздать выродкам сторицей за все его муки.

Несмотря на все преимущества язычников, даваемые войной на своей территории и в привычном климате, превосходством в ковке клинков и быстротой маневра летучих отрядов на отменно быстроногих конях, у варваров совершенно не было тяжелой кавалерии, а также и тех особых навыков дисциплины и взаимодействия, которые развиваются при ее умелом использовании - а потому рыцарская армия, пусть медленно и с потерями (больше от болезней, вызванных дурной водой и жарким климатом, чем от вражеских клинков), но продвигалась вперед. Увы, когда королевское войско подошло к стенам Эль-Хурейма, второго по величине вражеского города, Родгар был лишен возможности исполнить свою клятву, ворвавшись в город в числе первых, как он мечтал. У командования были для него другие планы - вместе с большим отрядом рыцарей он был послан в пустыню на перехват идущего к Эль-Хурейму подкрепления. Противник, убедившись, что его маневр раскрыт, не принял боя и обратился в бегство, лишь издали осыпав рыцарей стрелами, практически бесполезными против их доспехов с такого расстояния. - так что и здесь Родгар был лишен возможности утолить свою жажду мщения, поэтому бескровная победа не слишком обрадовала молодого воина. Вместе с товарищами он направился обратно к Эль-Хурейму, надеясь, что бои за город еще продолжаются.

Но к тому времени, как они подъехали к городским стенам, все было уже кончено. Над взломанными воротами и башнями реяли гордые флаги победителей. Тем не менее, Родгар въехал в город, держа наготове обнаженный меч. Попадись ему в этот момент даже и связанные пленные - очень возможно, что он воздал бы им той же монетой, какой платили своим пленникам сами варвары, и мало кто осудил бы его за это.

Но пленных солдат противника он не увидел. Он увидел улицы, липкие от крови (а кое-где она все еще стояла лужами, доходя коню до середины бабок); увидел голые трупы женщин с выпущенными кишками, которым вспороли животы после изнасилования; увидел мертвых стариков, повешенных за длинные седые бороды... То тут, то там слышались довольные пьяные крики победителей. Криков жертв слышно уже не было.

Благородная королевская армия - ревнители рыцарской чести, носители цивилизации, защитники Истинной Веры, на знамени которой начертаны заповеди мира и любви - учинила в Эль-Хурейме неслыханную бойню. И дворянин с десятью поколениями аристократических предков не особо отличался при этом от вчерашнего крестьянина, взявшего копье под обещание трофеев и отпущения грехов.

Окончательно добил Родгара как раз один из дворян - пехотный капитан, не самый, правда, родовитый, но известный в войске своей храбростью, доходившей до безрассудства. И теперь он прямо посреди улицы... Родгар не мог поверить своим глазам... он... совокуплялся с отрезанной головой девочки с длинными черными волосами. Девочке было, наверное, лет девять. На мертвом лице - при жизни, несомненно, бывшем очень хорошеньким - застыло выражение удивления. Она очень походила на младшую сестру Родгара Сандру, хотя у той волосы и глаза не были такими черными. В год, когда Родгар отправился на войну, его сестре тоже было девять.

Как и Тилли сейчас.

Заслышав липкое чавканье копыт, капитан скосил глаза и дурашливо щелкнул каблуками, приветствуя рыцаря - но не прекращая при этом своего занятия. Напротив, частота его движений возросла - он явно приближался к кульминации. А затем, испустив утробный рык, принялся неторопливо обтирать свое хозяйство волосами жертвы.

"Всегда хотел попробовать, каково это, - сообщил он Родгару без малейшего смущения. - Ежели в рот не снаружи, а изнутри. Через горло. Жаль, конечно, что она уже не могла мне подмахивать..."

Меч Родгара взвился над головой...

"Значит, ты спасешь меня?" - спросила Тилли, отвечая на его последнюю реплику.

"Да, - мысленно сказал Родгар с максимальной уверенностью в голосе. - Только мне потребуется... некоторое время, чтобы добраться до тебя, - он уже поднялся с земли и торопливо сворачивал спальный мешок. Бессмысленно, конечно, либо чудовища найдут девочку в ближайшие полчаса, и тогда он ничем не поможет, либо не найдут и уйдут, и тогда о ней позаботится мать. Впрочем, тогда он сможет проводить их к другому, еще целому и лучше укрепленному селению. - А пока ты должна сидеть тихо-ти..."

"Мама! - закричала вдруг Тилли. - Нет, мама, нет!"

Чуда все-таки не случилось.

"Беги!!! - крикнул Родгар, мигом все понявший. - Беги, Тилли, не оглядывайся!"

Возможно, конечно, что бежать просто некуда. Но скорее всего - мать сама бросилась на чудовищ, давая дочери крохотный шанс...

Родгар сжимал камень, ожидая, когда тот начнет холодеть. Несколько мгновений, не больше. Пусть это был не погреб, пусть там был второй выход - но разве может девятилетняя девочка убежать от монстров, которым она по колено? Впрочем... маленький заяц с легкостью убегает от человека, и даже крысу или ящерицу изловить руками не так-то просто. Но то грызуны и ящерицы. А человек, на самом деле, так неуклюж и медлителен... Венец творения, мда.

Но мгновения текли, а камень все еще пульсировал теплом, и в глубине его тлел тусклый (из-за расстояния) огонек. Тилли, подумал Родгар почти с такой же мольбой, с какой она сама взывала к неведомому спасителю. Тилли, пожалуйста!

... взвился над головой капитана - а затем медленно отправился в ножны. По-прежнему чистый от крови. Один из очень немногих чистых от крови предметов в этом городе...

Родгару стоило огромных усилий не сделать этого. Не пролить кровь боевого товарища. Сохранить верность присяге хотя бы в этом. Все равно одна эта смерть ничего бы уже не решила и не исправила.

Как, впрочем, и любые другие действия. Апеллировать к коннетаблю? К королю?

Смешно даже думать, что вся эта бойня устроена без их, по меньшей мере, молчаливого согласия. А то и по прямому приказу: "Не щадить никого!" Что еще делать с этими упрямыми язычниками, отвергающими свет Истинной Веры? Мы ведь цивилизованные люди - нам не нужны рабы.

Поэтому он просто развернул коня и поехал прочь. Из города. Из армии. Из страны...

А пьяный подонок, похоже, даже и не заметил, какой опасности избежал.

"Родгар? Ты еще здесь?"

В какой-то мере.

"Да, Тилли! Как ты?"

"Я... сумела убежать от них. Но мама..."

"Ты молодец, девочка! - поспешно перебил ее Родгар. Она только что потеряла мать и отца, но ни в коем случае нельзя давать ей задуматься об этом, пока она не окажется хотя бы в относительной безопасности. - Ты еще слышишь их? Они гонятся за тобой?"

"Не знаю. Я так быстро бежала... Никогда в жизни еще так..."

Но это, разумеется, не значит, что твари не настигнут ее позже, после того, как закончат с ее матерью и остальными селянами - на что им отнюдь не потребуется много времени. Бежать дальше, рискуя выдать себя треском сучьев, или прятаться, рискуя, что чудовища отыщут ее по запаху? Запаху пота только что мчавшегося со всех ног человека...

"Где ты сейчас?"

"Я выбежала на берег речки."

"Речка! Отлично! - обрадовался Родгар. - Вода собьет их со следа! Только... там глубоко?"

"Не знаю. Мама и папа не разрешали мне заходить в воду."

"Значит, плавать ты не умеешь." Это уже хуже...

"Н-нет..."

"Тогда сделаем так. В воде у берега растет какой-нибудь тростник?"

"Да! Не прямо тут, дальше. Где речка выгибается."

"Отлично. Беги туда. Сломай такую тростинку... она полая, сквозь нее можно дышать.

Убедись, что у тебя это получается, а потом ложись в воду... там, где еще не очень глубоко, но чтобы тебя не было видно сверху. Держись за корни тростника, чтобы не всплыть. Будет, наверное, холодно, но ты терпи! Очень важно не двигаться", - хорошо, что сейчас ночь, под водой ее и не увидят, и не учуют...

"Сколько?" - требовательно спросила Тилли.

Если бы он знал. Хотя, если эти твари и выйдут на берег, вряд ли они будут долго торчать на одном месте...

"Ты пока не погружайся с головой. Пусть глаза будут над водой, и следи за берегом. Если их увидишь - сразу опускайся под воду, только аккуратно, без всплесков, поняла?"

"Да..."

"Умница. Я уже еду, Тилли. Еду к тебе."

Родгар действительно уже оседлал коня и теперь взобрался в седло. Ветер покосился на хозяина большим коричневым глазом (в темноте казавшимся абсолютно черным) и коротко фыркнул, словно спрашивая - ну, куда теперь? Он был рыцарским конем и знал, что тревога может застигнуть в любое время суток.

...Родгар так и не вернулся домой. Теперь он был дезертиром, нарушившим обет, данный богу, и присягу, данную королю. Запятнавшим честь своего рода. Вряд ли его попытались бы привлечь за это к суду - даже король, скорее всего, предпочел бы замять дело и не портить отношения с влиятельным графским родом. Но Родгар не мог теперь явиться к собственному отцу, болезненно щепетильному и в вопросах рыцарской доблести, и в вопросах веры. Былые раны не позволили старому графу принять участие в походе самому, но тем большие надежды он возлагал на сына - и Родгар, уезжая на войну, конечно же, искренне клялся не посрамить...

Его рассказ ничего бы не изменил. Граф просто не понял бы сына, забывшего свой долг, опозорившего фамильный герб - и хуже того, усомнившегося в догматах веры! - из-за каких-то язычников, которые к тому же все равно уже были мертвы. Пусть лучше считает, что его сын пал в бою и упокоился в безвестной могиле, подобно многим рыцарям, ехавшим за славой, а нашедшим лишь яму в песке. Это будет для старика меньшим ударом.

Поэтому Родгар отправился в дикие западные леса. Туда, где никто не стал бы его искать и никто не узнал бы при встрече. Туда, где всякий волен начать жизнь с нуля и где, как он вскоре убедился, не принято спрашивать о прошлом.

Поначалу он думал поселиться в одном из здешних селений, отвоеванных у вековой чащи. Жить вместе с этими простыми и суровыми мужиками, помогая им своим мечом защищаться от лесной нечисти и лихих людей, тоже порою нападавших на уединенные деревни. Обучить самых ловких и смекалистых военному делу, превратить мужичье с дубинами в дисциплинированный военный отряд, способный дать достойный отпор любому врагу. Но его планы не нашли понимания у местных. Он не мог, да и не пытался, сойти среди них за своего. Его доспехи, конь и оружие стоили больше, чем вся деревня. Он был *лордом* - то есть одним из тех, от чьей власти они бежали в эти дремучие леса. "Сегодня ты сражаешься плечом к плечу с нами, и это, конечно, недурно. Но завтра ты попросишь, чтобы в благодарность за твой меч и твою науку мы сложили для тебя замок. Послезавтра те из нас, кого ты обучишь и вооружишь, назовутся дружиной и переберутся туда жить, забыв и крестьянский труд, и прежних товарищей - а мы согласимся их кормить, чтобы они нас защищали. А потом они явятся к нам за оброком, уже не спрашивая нашего согласия..."

Не везде ему говорили это в лицо. Кое-где он лишь читал это в угрюмых взглядах лесовиков, угадывал в смолкавших при его приближении разговорах. Но он быстро понял, что ни в одном здешнем селении ему не будут рады. Ему, конечно, везде предложат еду и ночлег, как велят местные обычаи - но вздохнут с облегчением, когда он уедет. Он навсегда останется для этих людей чужим.

И тогда он решил стать тем, кого не бывает. Странствующим рыцарем из легенды, а не из суровой действительности. Помогающим тем, кому больше некому помочь. И уезжающим прочь прежде, чем их благодарность начнет их тяготить и перерождаться в неприязнь.

"Родгар! Они идут сюда!"

"Прячься! Прячься под воду!"

"Так я уже."

"Ты умница, Тилли. Дышится нормально?"

"Да."

"Тогда главное - сиди и не шевелись. Я скажу тебе, когда можно будет выглянуть."

Да уж, он скажет. Будем надеяться, девочку убедил его уверенный тон, хотя все, что он может - это предполагать, причем вслепую. Если бы амулет позволял ему не только слышать ее мысленный голос, но и видеть ее глазами... а еще лучше - глазами ее преследователей... впрочем, нет, не надо - ведь тогда бы, наверное, и они почувствовали его. Но в любом случае бессмысленно обдумывать заведомо отсутствующие возможности...

...Он встретил бродягу в одной из немногочисленных местных харчевен - громоздкой, мрачной и угрюмой, как практически всё в этих краях. Когда Родгар вошел, тот сидел над кружкой (давно уже, похоже, пустой) за дальним столом в углу, но вскоре после того, как толстый коренастый хозяин (трактирные служанки здесь были не в чести) принес рыцарю тарелку с жареным мясом (Родгар не удивился бы, узнав, что это медвежатина), серую ноздреватую лепешку и кувшин с элем, бродяга поднялся, не слишком твердым шагом пересек почти пустое по раннему времени помещение и, не спрашивая дозволения, уселся напротив.

Родгар коротко посмотрел на него, ни о чем не спрашивая. Он уже знал, что здесь не принято задавать поспешные вопросы, особенно продиктованные праздным любопытством.

Бродяга был высок и тощ; в его фигуре еще можно было угадать следы былой выправки, и Родгар подумал, что, возможно, перед ним еще один дезертир из армии - но ныне он имел самый непрезентабельный вид. Всклоченная неухоженная борода, грязные спутанные волосы неопределенно-сивого оттенка, давно не знакомые ни с ножницами, ни с гребнем. Из-под этих волос нездорово блестели карие глаза, а испещренный полопавшимися сосудами нос определенно свидетельствовал о давнем пристрастии к алкоголю. Собственно, от бродяги и сейчас несло дешевым вином - вперемешку с запахом немытого тела. Он кутался в старый выцветший плащ, ныне более похожий на серую тряпку, но не дошедший еще, однако, до стадии лохмотьев. Родгар неприязненно подумал, что сейчас у него будут кланяться на выпивку.

Бродяга разлепил шелушащиеся, обметанные лихорадкой губы.

- Ищешь кого-то, рыцарь?

- Никого конкретного, - сдержанно ответил Родгар после короткой паузы. Обращение на "ты" его не задело - он уже привык к тому, что нормы этикета и титулы остались далеко на востоке - но, принимая свое решение "помогать тем, кому больше некому помочь", он вовсе не имел в виду опустившихся пьяниц. - Почему ты спрашиваешь?

- Рыцари в здешних краях - нечастые гости.

Родгар ничего не ответил и принялся резать мясо ножом.

- Могу помочь... в поисках, - произнес бродяга и сунул руку под плащ. Рефлекс заставил Родгара слегка напрячься, хотя он понимал, что едва ли его визави полез за оружием. Действительно, полминуты спустя на стол лег некий небольшой предмет, заматанный в грязную тряпку.

- Что это? - спросил Родгар без интереса.

- Разверни.

- Почему бы тебе самому не сделать это?

- Я не хочу... осквернять эту вещь своим прикосновением, - криво усмехнулся бродяга.

Родгар слегка пожал плечами и не без брезгливости, за краешки, развернул тряпку. Его удивленному взгляду предстал огранный черный камень - скорее всего, морион - заключенный в тонкую, подобную сети прожилок, серебряную оправу на серебряной же цепочке. Вещица, несмотря на изящество и искусную работу, не была сверхдорогой - все же морион - не бриллиант, а серебро - не золото - но все-таки не вязалась ни с этой тряпкой, ни с жалким обликом бродяги. Родгар поскреб оправу ногтем, проверяя, не крашеная ли это проволока, но его ноготь не оставил разоблачающего следа, да и сохраняющаяся в руке благородная прохлада камня опровергала версию о стеклянной подделке.

- Если ты хочешь продать это, ты не по адресу, - сказал, тем не менее, Родгар, вновь кладя камень на стол. - Я не занимаюсь скупкой украшений.

- Это не просто украшение, - качнул головой бродяга. - Этот камень позволяет своему носителю слышать зов.

- Какой еще зов?

- Зов тех, кто нуждается в помощи. И находить путь к тому, кто зовет.

Родгар скептически усмехнулся. Ему, как и всякому, доводилось слышать истории о магических камнях, и он знал, что в большинстве случаев это байки. Знал он и то, что *не во всех случаях* это байки. Церковь, вообще крайне неодобрительно относившаяся к магии, даже издала специальный циркуляр, в числе прочих грехов поминавший "предерзкое владение колдовским камнем, что крадет молитвы, кои не смертному, но лишь единому Господу слышать надлежит". Вот, значит, о каких камнях там шла речь... Впрочем, осуждение церкви теперь менее всего беспокоило Родгара. Церковь со всеми ее институтами, включая грозную Конгрегацию Стражей Веры, осталась там, на востоке, вместе с прочими атрибутами цивилизации. Здешние лесовики, конечно, тоже по большей части числили себя верующими, но от того, во *что* они веровали, у столичных блюстителей канонов встали бы дыбом волосы вокруг тонзуры. Это была гремучая

смесь из ортодоксальных догматов, местных легенд, апокрифов и еретических толкований, диких суеверий, принимаемых за непреложные факты и, напротив, фактов, в цивилизованных областях считающихся дикими суевериями. Практически все, что относилось к магии и лесной нечисти, проходило как раз по последнему разряду. Но это никоим образом не значило, разумеется, что всякий кусок черного кварца, оправленный в серебро, и в самом деле обладает магическими свойствами. Особенно когда его предлагает такой вот... продавец.

- Значит, если я сейчас надену это на шею, в моих ушах раздастся зов о помощи? Я даже знаю, чей. Одного субъекта, которому остро не хватает денег на выпивку...

- Не смейся, рыцарь, - мрачно ответил бродяга. - Ты не знаешь, над чем смеешься. Да, ты услышишь зов. Но только в том случае, если речь идет о жизни или смерти. Или, по крайней мере, взывающий уверен, что это так.

Родгар все с той же недоверчивой усмешкой надел цепочку на шею.

- Под одежду, - инструктировал его бродяга. - Камень должен касаться кожи. Тогда ты услышишь и почувствуешь.

Родгар исполнил и это. Разумеется, ничего нового он не услышал. Мышь скреблась под полом. Потрескивал огонь в очаге. За соседним столом здоровенный детина, заросший до глаз рыжей бородой, бросил на стол обглоданную кость и шумно рыгнул.

- Это же не каждый час случается, - спокойно прокомментировал бродяга, видя его реакцию. - И не каждый день. По крайней мере, в пределах действия камня.

- И как ты докажешь, что не пытаешься меня одурачить?

- Никак, - пожал плечами бродяга. - Поэтому я и не прошу за него много.

Родгар снял камень с шеи.

- Почему ты вообще решил, что мне это интересно?

- А разве нет, рыцарь? - теперь насмешка прозвучала в голосе бродяги, хотя Родгар не мог понять, что она значит.

- Ну и сколько ты хочешь? - спросил он после короткой паузы, всем своим видом давая понять, что не позволит себя обмануть.

- Одну крону.

Родгар удивился. Он ожидал, что цена будет неадекватной, но совсем в другую сторону. Даже если - в чем он почти не сомневался - камень не имел никаких магических свойств, сам по себе он стоил, по меньшей мере, крон десять. Разумеется, по меркам ювелиров цивилизованных областей. В здешних краях хороший плуг или борону - или крепкое копьё - ценили больше, чем красивые безделушки, но и здесь наверняка можно было выручить за такой камушек крон пять. Даже здешний трактирщик наверняка согласился бы принять его в уплату по более щедрому курсу. Или бродяга совсем не понимал его цены, или очень спешил от него избавиться, сбавив чужаку, который сегодня здесь, а завтра - поминай как звали. Что в обоих случаях наводило на мысль...

- Могу я спросить, откуда у тебя эта вещь? - осведомился Родгар, пристально глядя на бродягу. Если когда-то тот и был солдатом, сейчас он не выглядел достаточно крепким для разбойника-душегуба... хотя для того, чтобы отнять у человека жизнь и имущество, совсем не обязательно превосходить его физически.

- Спросить - можешь, - ответил бродяга, давая понять, что ответить он отнюдь не обещает. И настаивать, само собой, бесполезно. Скажет - выиграл в кости, или и вовсе нашел, и поди докажи, что это не так.

- Я не покупаю краденое, - твердо произнес, тем не менее, Родгар.

- Я это не крал, - пожал плечами бродяга. - Только не заводи снова про "чем докажешь".

Цену я назвал, берешь или нет?

Родгар еще раз взглянул на амулет. Что, если этот тип все-таки не врет? Шансов мало, но... ведь это именно то, что нужно странствующему рыцарю!

- Что ты будешь делать с этой кроной? - спросил он.

- Пропью, - равнодушно ответил его визави. - А что ты ожидал услышать? "Начну новую жизнь?"

- Я бы на твоём месте подумал об этом.

- Когда окажешься на моём месте, тогда и будешь думать, - бродяга требовательно выставил грязную жесткую ладонь, ожидая монету.

Родгар развязал кошель, но вновь остановился. Представления о чести, оставшиеся от прежней жизни, требовали сказать, что цена несправедливо низкая. С другой стороны, какая разница, сколько пропьёт пьяница - одну крону или пять? Дать ему меньше денег будет лишь полезнее для его же здоровья.

- Почему ты сразу не предложишь камень трактирщику? - спросил, тем не менее, Родгар.

- Мне показалось - тебе он нужнее, - усмехнулся бродяга. Золотой кружок кроны исчез в его грязном кулаке, и он, ничего больше не говоря, поднялся. Однако, вопреки ожиданию Родгара, побрел не к стойке, а на улицу. Родгар повесил камень на шею под рубашку и вернулся к еде.

"Родгар?"

"Да, Тилли! Думаю, теперь ты уже можешь выглянуть. Только медленно и осторожно."

Пауза. Ветер, послушный седоку, перешел с шага на рысь. Чем хороши эти леса - в отличие от южных зарослей, немногочисленных в пустынном климате, но уж там, где они есть, представляющих собой совершенно непроходимое переплетение стволов, ветвей и колючих лиан - здесь, под огромными вековыми деревьями, почти всегда достаточно места, чтобы не только пройти, но и проехать, не пригибаясь. Даже и в ночной темноте.

"Никого нет. Они ушли."

Слава богу! Или... Родгар уже и сам не знал, кого следует славить в таких случаях.

"Ты уверена? Хорошо посмотрела? Они не могут прятаться где-то на берегу?"

"Нет, их нет. Я бы почувствовала. Эти твари так воняют..."

Что да, то да. Особенно когда их разрубишь - в этом Родгар имел возможность убедиться лично. Серо-зеленая слизь, заменяющая лесной нечисти кровь, воняет так, что даже бывалого рыцаря, всякого навидавшегося (и нанюхавшегося) в походе, где падаль быстро разлагается под палящим солнцем, может вывернуть наизнанку.

"Хорошо. Тогда выбирайся на берег, но старайся все-таки не шуметь. Замерзла?"

"Н-нет..."

Ну да, конечно. Все еще не прошедшая боевая ажитация, так это называли армейские костоправы. Человек в таком состоянии может не замечать ни холода, ни боли. Родгар сам видел солдата, бежавшего на кровоточащих культях только что отрубленных ног...

"Ты молодец, девочка."

"Я знаю. Ты уже говорил."

"А тебе палец в рот не клади!" - мысленно рассмеялся Родгар.

"Палец? В рот? Лучше не надо", - серьезно согласилась Тилли.

"Не обращай внимания, это просто выражение такое. Значит, иди теперь вдоль берега и высматривай какое-нибудь укромное местечко, где можно спрятаться до утра."

"А утром прибудешь ты?"

"Я... ну, может быть, не утром, а чуть попозже. Но это не важно. Ты, главное, не бойся. Самое страшное уже позади. Я обязательно приеду и спасу тебя!"

Неужели на сей раз у него действительно получится?

...В том, что амулет работает, он убедился буквально на следующий день после покупки. Точнее - на следующую ночь. Его разбудили отчаянные крики: "Пожар! Пожар! Горю!" Родгар со всей стремительностью солдата, привыкшего просыпаться по тревоге, вскочил с широкой лавки (в сельской избе, куда он попросился на ночлег, нашлась лишь такая свободная кровать),

перепугав хозяев и вызвав рев их младшего ребенка - но никакого пожара не было. Ни в этом доме, ни в соседних. Лишь тогда Родгар вспомнил о камне, болтавшемся на груди; теперь он пульсировал темно-багровым светом и, сжав его в кулак, Родгар снова услышал вопли - а заодно и неведомым ему прежде образом *почувствовал*, откуда они исходили. Направление... и примерное расстояние.

Впрочем - они затихли прежде, чем он успел что-нибудь предпринять. Да и что он мог сделать? Камень вновь стал холодным и черным, и Родгар вернулся на лавку, заверив хозяев, что ему просто приснился дурной сон.

Утром, провожаемый их все еще неприязненными взглядами - "вот же послал черт ненормального на ночлег!" - он выехал в том направлении, что так ясно представилось ему ночью. И лишь к вечеру добрался до *той самой* деревни.

Запах гари все еще чувствовался в воздухе, и найти пепелище не составило труда. От когда-то крепкой избы осталась лишь печь и одна стена, которую соседи, передавая по цепочке ведра, сумели залить водой. Любопытствующему чужаку неохотно пояснили, что пожар случился накануне ночью, должно быть, уголь выпал из печи через неплотно закрытую дверцу. Вся семья успела выбежать на улицу - за исключением парализованного деда, который не мог выбраться сам. Ни сами домочадцы, ни уж тем более их соседи не рискнули лезть в пламя, чтобы попытаться спасти его. Ясно было и то, что дом обречен; все усилия селян были брошены на то, чтобы не позволить огню перекинуться на соседние дома. Это им удалось, и это было немалой удачей. От старика, само собой, остались лишь обгорелые кости.

Потом был мальчишка, утонувший в лесном озере. Тоже слишком далеко - Родгар находился в паре десятков миль, когда услышал его полный ужаса зов. Потом - дровосек, задавленный упавшим деревом; и он испустил дух раньше, чем Родгар мог до него добраться, даже если бы рыцарю и удалось сдвинуть с места тяжеленный ствол. Потом...

Лишь один раз он все-таки успел. Это был охотник - так он, по крайней мере, назвался - провалившийся в берлогу. Берлога была пустой и заброшенной, но охотник сломал ногу и не мог выбраться. Родгар скакал полдня и всю ночь, давая лишь краткие передышки коню - и вытаскивал бедолагу. Оказалось, кстати, что нога вовсе не сломана, а лишь вывихнута. Родгар вправил вывих и предложил подвезти спасенного до его деревни - ветер был могучим конем и выдержал бы двоих - но охотник поблагодарил и сказал, что теперь немного отдохнет и сможет дойти сам. Родгар не стал настаивать. Никогда не навязывай свои благодеяния - этот урок он уже усвоил.

Потом были новые неудачи. Баба, пошедшая по грибы и растерзанная волками... мужик, увязший в трясине (этот умирал особенно долго и страшно, причем Родгар слышал его еще пару минут после того, как густая мутная жижа сомкнулась над его головой)... еще один, укушенный змеей (этого Родгар даже застал еще живым, но помочь не мог уже ничем)... Всегда слишком далеко, слишком мало времени, или не удавалось установить двустороннюю связь, или вообще не было никакой возможности для спасения.

В последний раз это были две девушки, две сестры, на которых напали разбойники. Наконец-то не слепые силы природы, наконец враг, которого можно сразить мечом - но и тут у Родгара не было никаких шансов успеть. Когда он доскакал, нашел лишь обнаженные трупы. Промежность в крови, горло перерезано. Неподалеку валялись еще два мертвеца, мужчины, молодой и постарше - не то отец и брат, не то просто односельчане, вызвавшиеся охранять девушек в пути. Увы, этой охраны оказалось недостаточно.

Но на сей раз, по крайней мере, Родгар мог отомстить. Он поскакал по следу разбойников, которые особо и не скрывались, чувствуя себя в лесу полными хозяевами. На следующий день он настиг шайку. Их было полдюжины, но пешие с кистенями, ножами и дубинами мало что могли противопоставить хорошо обученному конному рыцарю в доспехах и с мечом. Он порубал их всех.

В последнем узнав некогда спасенного им "охотника".

Это воспоминание было совсем свежим. Возвращаясь от логова бандитов, Родгар не успел засветло добраться до жилья и вынужден был заночевать в лесу. Что проделывал уже не впервые и что его не пугало - ветер чуял опасность и способен был предупредить хозяина не хуже сторожевой собаки. Но опасность вновь грозила не ему. Именно в эту ночь он был разбужен криком Тилли...

"Родгар!"

"Да, Тилли!"

"Я залезла на дерево."

"Хм... это не очень хорошая идея. Во-первых, эти твари тоже умеют лазить по деревьям. А во-вторых, если ты заснешь, ты свалишься."

"Не свалюсь. Тут удобно. А если что, я могу перебраться по веткам на соседнее."

"Но если монстров будет несколько, они могут ползть на несколько деревьев одновременно."

Если у них, конечно, хватит ума. Но никогда не стоит недооценивать противника.

"Думаю, сверху я замечу их раньше, чем они меня. Но вряд ли они придут сюда. Они потеряли мой след."

Те самые, может, и да. Но это не значит, что в лесу нет других. Да и обычные медведи тоже по деревьям лазают.

Но, с другой стороны, разве для маленькой девочки в ночном лесу существует *хоть какое-то* безопасное убежище? Таковым не стал даже ее собственный дом... Так что дерево, дающее хороший обзор и сохраняющее путь для бегства, возможно, и в самом деле не худший вариант.

"Ладно, Тилли. Оставайся пока там. Но будь осторожна. Держи ушки на макушке."

"А как же иначе?"

"Вот и умница."

Умница еще и потому, подумал Родгар, что поверила ему - бесплотному голосу, звучащему в ее голове. Не сочла его ни сумасшествием, ни дьявольским искушением, как некоторые взрослые, которым он тщетно пытался помочь. Хотя обычно ум - это как раз способность сомневаться, а не верить (теперь Родгар мог позволить себе такие еретические мысли), но сомнения тоже хороши в меру. Сомнение есть признак ума, когда оно не позволяет догматически уверовать без доказательств, но оно же есть признак глупости, когда оно отвергает доказательства, противоречащие ранее усвоенному догмату. Отвергает наблюдаемые факты, какими бы необычными они ни казались... Вопреки, заметим, всякой логике - эти же самые люди только что мысленно зывали о помощи, а услышав ответ - решают, что он от дьявола. Зачем тогда, спрашивается, зывали? И к кому, в таком случае - не к дьяволу ли? Ибо знали, что зывать к богу заведомо бесполезно... Ох, хорошо, что его не слышит Конгрегация Стражей Веры!

Действительно, кстати, хорошо. Что, если у них тоже есть или появятся какие-нибудь амулеты, позволяющие слышать человеческие мысли? Причем не только те, которые человек транслирует сознательно... Родгар не знал, существуют ли такие на свете - но вдруг? Одна надежда на то, что Стражи считают любую магию греховной - но эта надежда, по правде говоря, слабая. Чем строже запрет или правило, тем с большей легкостью его нарушают его же ревнители ради него же самого. Заповедь "не убий" тут нагляднейший пример...

Родгар не задумывался об этом прежде. Он был воином, а не философом. Задача воина - исполнять приказ... исполнять не думая, да. Точнее, не совсем - ибо глупый воин, и уж тем более глупый офицер, который сам должен командовать своими людьми, мало того что долго не живет, так еще и гибнет (и губит других) бездарно. Но весь его ум должен крутиться вокруг вопроса "как?" и немедленно отключаться при приближении к вопросу "зачем?" К отработке этого умения, собственно, и сводится вся воинская дисциплина... Но месяцы странствий в

одиночестве, без надежды вернуться к прежней жизни, поневоле способствуют размышлениям. Размышлениям, изменившим его сильнее, чем любые шрамы от вражеских клинков. Если его отец считает сына погибшим, это, пожалуй, не так уж далеко от истины. Прежний рыцарь Родгар, наследник прославленного титула и защитник Истинной Веры, действительно умер там, в Эль-Хурейме. По дремучим лесам Запада теперь странствует совсем другой человек.

Человек, которому очевидна, например, абсурдность самой идеи защиты Истинной Веры. Если вера истинна и бог - всемогущ, в каких защитниках он может нуждаться? Если же он в них нуждается, значит, он не всемогущ и вера - ложна. Если бог всемогущ, зачем ему вообще утверждать свою религию через насилие - будь то хоть мечи и стрелы, хоть небесные громы и молнии? Дело даже не в том, что это противоречит его же заповедям, а в том, что это попросту бессмысленно - как бессмысленно взламывать дверь хозяину, у которого есть ключ. Он может обратиться все народы в свою веру одним лишь собственным изволением - или, если он так ценит их свободу воли, продемонстрировать им неопровержимые доказательства. Если же он этого не делает, это означает одно из трех - либо его вообще нет, либо он бессилен, либо, наконец, он совершенно не желает обращать в свою веру другие народы, и тогда самозванные "защитники", пытающиеся делать это от его имени, как раз и есть прямые нарушители божьей воли...

Когда Родгар впервые пришел к этим умозаключениям, больше всего его поразила не их еретичность. Его поразила их простота и ясность - и то, что миллионы людей, причем не только его соотечественников, но и "неверных", с немалым остервенением сражающихся за собственную религию, не понимают столь очевидных вещей. Предпочитают лить реки крови, лишь бы только не понять их. Да, конечно, очень часто высокие слова о святых служат лишь прикрытием жажды трофеев, титулов, славы. Но ведь многие верят вполне искренне. Он сам еще пару лет назад кинулся бы с мечом на себя теперешнего, услышав такие речи...

С детьми проще. Их разум все еще открыт миру. Они еще готовы воспринимать факты такими, каковы они есть, а не такими, какими их положено считать. До тех пор, пока взрослые не убьют у них эту способность - по крайней мере, у большинства из них. Родгару хотелось верить, что Тилли - принявшая его руководство, но в то же время готовая отстаивать свою позицию, а не подчиняться бездумно - как раз из меньшинства. Что она сохранит независимость мышления - здесь ей, кстати, это будет проще, чем в цивилизованных областях. Хотя, конечно, и эти дикие леса когда-нибудь перестанут быть дикими, а значит, лет через двадцать Стражи Веры доберутся и сюда...

Впрочем, чудовища и хищники могут добраться до нее куда раньше.

"Родгар?"

"Да, Тилли!"

"Мне... уже можно плакать?"

Лучше бы, конечно, отложить все эмоции на потом. На время, когда она будет в безопасности. Но для девятилетней девочки, только что потерявшей и мать, и отца, она и так держится фантастически.

"Можно. Только так, чтобы тебя не услышали."

"Я тихонько."

"И... постарайся все-таки... не заикливаться на том, что случилось, - здесь бы следовало прибавить традиционное утешение про папу и маму на небесах, но Родгар не мог заставить себя сказать то, во что больше не верил сам. - Думай о будущем. У тебя впереди вся жизнь. Но для этого нужно, чтобы никакие твари не добрались до тебя раньше меня."

"Я понимаю."

"Ты обязательно должна дождаться меня. Я на тебя надеюсь."

"Я дождусь, - она сделала паузу, возможно, всхлипнула, но при мысленном общении он не мог это услышать. - Я не подведу тебя, Родгар."

Родгар подумал, стоит ли, однако, ему самому спешить *прямо сейчас*. Его решение

отправиться в путь немедленно, как только он понял, что Тилли *можно* спасти, было... ну, не сказать, что чисто эмоциональным, скорее это была нормальная реакция солдата, который по тревоге сначала начинает действовать, согласно уставу и полученным тренировкам, а уже потом - обдумывать и разбираться. И это оправдано, ибо на войне и вообще в критической ситуации лучше действовать неправильно, чем не действовать никак. Но вот теперь, когда он уже успел хорошо прочувствовать разделяющее их с Тилли расстояние, пришла пора обдумывания и выбора оптимального плана. За сутки ему никак не добраться до девочки. Минимум двое (с учетом минимально необходимого отдыха ему самому и коню), если по дороге. Беда только в том, что он не знает, где здесь ближайшая дорога, ведущая в нужном направлении - если таковая вообще есть. Некоторые из этих затерянных в лесах сел, промышляющие больше охотой и сбором дикого меда, нежели традиционным крестьянским трудом, живут настолько обособленно, что к ним и дорог-то не существует. А карт здешних мест, наверное, вообще нет в природе.

Ну а напрямик по лесу - это скорее три дня, и то в лучшем случае - если он не упрется в болото или бурелом, чего тоже нельзя исключать. С другой стороны, Тилли не обязательно сидеть на одном месте, она может двигаться ему навстречу... но тут надо решить, что безопаснее. Так или иначе, ему еще придется делать привалы, и неоднократно. А ехать все-таки лучше днем, а не ночью. Поэтому разумно было бы сейчас спокойно доспать, а утром продолжить путь.

Но, поразмыслив еще немного, он все же не стал останавливать коня. Все равно сейчас он уже слишком возбужден, его организм настроен на боевой лад, и быстро он не заснет. А значит - зря потеряет время, ворочаясь. Нет, останавливаться стоит тогда, когда он почувствует, что заснет мгновенно.

В ночном лесу по-прежнему было тихо. Несколько раз Родгар, правда, слышал шорох и треск, но всегда - удалявшийся. Ночные существа, кто бы они ни были, предпочитали убраться с пути его коня. На самом деле даже в этих дремучих лесах не так уж много обитателей, готовых первыми напасть на человека, тем более - на всадника с конем. Большинство предпочтут не связываться, особенно летней порой, когда в лесу хватает более безопасных способов прокормиться. Хотя, конечно, особо крупная волчья стая может и попытаться счастья. Ну или если наткнуться на медведицу, у которой где-то рядом медвежонок. А вот медведь-самец - нет, тот удерет. Этот большой и свирепый зверь на самом деле трус. (Последнее обстоятельство стало для Родгара даже отчасти обидным открытием - ведь медведь был изображен на его родовом гербе. Впрочем, после того, как он ознакомился на юге с истинными повадками львов, красовавшихся на королевских знаменах... Да и, к тому же, он сам лишил себя права и на это имя, и на этот герб.)

Ну и лесная нечисть, конечно же. Эти нападают не потому, что голодны (собственно, до сих пор достоверно неизвестно, людоеды они или нет, хотя молва им, конечно, это приписывает) и не потому, что испуганы внезапной встречей. А просто по принципу "увидел человека - убей". Родгар понимал, что, вполне возможно, по пути к Тилли ему придется сразиться в одиночку с целой кучей этих тварей - с теми, что уничтожили деревню девочки, или другими. Он не боялся этой битвы, но и не считал подобную перспективу пустяком. Ему уже несколько раз доводилось биться с нечистью вместе с селянами, чье доверие он тщетно пытался завоевать, но еще ни разу - одному. Он знал, что четырехдюймовые когти на руках и ногах тварей, острые и прочные, как ножи, с легкостью вспарывают кожаные и войлочные куртки - единственные доспехи, доступные крестьянам - но бессильны против стальных лат, в то время как плоть чудовищ, в свою очередь, хорошо рассекается рыцарским мечом. Но размеры и силу тварей никоим образом не следовало недооценивать. Их удар, пусть не способный пробить доспехи, вполне мог выбить рыцаря из седла, а падение с коня на землю в латах - малоприятный опыт даже на турнире, где на упавшего не накидывается немедленно толпа кровожадных монстров в два человеческих роста... Да и, к тому же, в бою Родгар должен был бы заботиться не только о собственной

безопасности. Его коня не защищали никакие доспехи. А еще хуже выйдет, если ему придется вступить в бой, когда за спиной у него уже будет сидеть Тилли...

Впрочем, пока что никто не тревожил Родгара. Однако перед рассветом лес окутался густым туманом, и он понял, что благоразумнее будет все же сделать привал. Расседлав Ветра, он почувствовал, как волной накатывает отогнанная было сонливость. Вот и хорошо. Он дал себе команду проснуться через два часа. Но его разбудили раньше.

"Родгар!"

"Да, Тилли! - его пальцы нащупали рукоять меча прежде, чем мозг осознал, что пока это бесполезно. - Что у тебя случилось?"

"В смысле, сейчас? Нет, ничего. Просто хотела сказать тебе 'с добрым утром!'."

Туман еще висел белой кисеей между деревьями, но его уже просвечивали солнечные лучи. Скоро развиднеется. И день, похоже, будет ясным, первая половина точно.

"А... да, конечно. С добрым утром, Тилли."

Да уж - добрее некуда, для девочки, потерявшей все... Хотя - она все еще жива. Единственная из всего села. А значит, утро и в самом деле доброе.

"Я тебя напугала? Извини, я не хотела."

Родгар усмехнулся. Представить себе, что девятилетняя девочка может напугать рыцаря, прошедшего войну... Впрочем, так оно всегда и бывает. Как бы мы ни были сильны - как только мы принимаем на себя ответственность за кого-то, мы становимся уязвимы. Столь же уязвимы, как он или она.

"Все в порядке, Тилли. Как ты? Поспала немного?"

"Да. И, как видишь, никуда не свалилась! - добавила она с торжеством. - К моему дереву тоже никто не подходил. Никаких свежих следов внизу. Еще я видела на дереве белку, но не смогла ее поймать."

"Не стоит ловить белок, - заметил Родгар. - Они только выглядят мило, а на самом деле могут больно укусить."

"Я знаю. Но я проголодалась."

Он не сразу понял, что она имеет в виду.

"Ты хотела поймать белку, чтобы ее *съесть*?"

"Ну да. У меня ведь больше нет папы, который ходит на охоту."

Ну да, конечно. Местные охотники добывают в том числе и белок. Само собой, не ради мяса, а ради меха - особо меткие умеют попадать из лука белке в глаз, не повреждая шкурку. Но Родгар никогда не задумывался, что они делают с тушками. В самом деле - зачем выбрасывать готовое мясо? На вкус бельчатина, наверное, не хуже крольчатины. Тилли - дитя лесовиков, и на многие вещи она смотрит проще и практичнее, чем ее ровесницы за стенами городов и замков. К примеру, Сандру перспектива съесть "симпатичную белочку" повергла бы в ужас, а уж если учесть, что есть ее пришлось бы *сырой* - Тилли ведь нечем развести огонь...

"Ладно, Тилли, не расстраивайся. Одной белкой все равно сыт не будешь."

"Все лучше, чем ничего."

"Ты не заметила, не выскочила ли белка из какого-нибудь дупла? У нее там могут быть припрятаны орехи."

"Я посмотрю. Думаю, на таком большом дереве должно быть дупло."

Ровесницы. Родгар напомнил себе, что на самом деле Сандра - вовсе не ровесница Тилли. Это он все еще воспринимает сестренку, как девятилетнюю, какой видел ее в последний раз - но на самом деле Сандре уже пятнадцать. Отец, быть может, уже выдал ее замуж - или сделает это в ближайшее время. Дабы еще при жизни удостовериться, что его род не угаснет. Раз прямая мужская линия прерывается на Родгаре, титул должен перейти к мужу его сестры. Но, конечно же, старый граф не будет хвататься за первого попавшегося дворянчика и подберет для дочери достойную такого титула партию. Какого-нибудь высокородного лорда; возможно -

вернувшегося со Священной войны. Вернувшегося, разумеется, героем, а не дезертиром, получившего на это разрешение короля...

"Ах, графиня, какое чудесное у вас ожерелье!"

"Спасибо, баронесса. Это свадебный подарок моего мужа."

"Восхитительная вещица. Какая тонкая работа! Не поделится ли он с моим супругом адресом ювелира, у которого делал заказ?"

"Он не заказывал это ожерелье. Он взял его как боевой трофей. В каком-то Эль... Эль-Хурейме, кажется, если я правильно запомнила это варварское название."

"Ах, графиня, я вам так завидую! У вас такой доблестный муж! Не то что мой тьюфак, которого не выгонишь из замка даже на охоту! Представьте себе - дворянин, за всю жизнь не убивший даже кабана!"

И собеседницы, конечно, даже на миг не задумаются о той, чью шею это ожерелье украшало прежде. И что стало с ней и ее детьми.

И, наверное, хорошо, что не задумаются. Разве он не хочет своей сестре счастья? Разве он пожелал бы ей... своей собственной судьбы?

"Родгар, я нашла дупло! Но орехов там нет..."

"Ну ладно, ничего страшного."

"Зато там целых четыре яйца!"

"Отлично! Аккуратно надколи их и выпей содержимое."

"Да уж разберусь!"

"Извини, Тилли, - улыбнулся Родгар. - Забыл, какая ты уже большая девочка."

Последние клочья тумана истаяли в утренних лучах, хотя трава была еще сырой. Родгар оседлал невозмутимого Ветра и взобрался в седло (романтический герой непременно "вскочил" или даже "взлетел" бы в седло, но проделать такое в доспехах не так-то просто). Конь сразу же взял хороший темп. Лошадям нужно меньше времени на отдых, чем людям, и Родгар с усмешкой подумал, что какой-нибудь поп непременно указал бы на это обстоятельство как на доказательство мудрого промысла Господа, предназначившего коней в услужение человеку. Но если бы лошадь и в самом деле была специально создана с этой целью, зачем бы ей тогда спать *меньше*, чем людям? Вполне достаточно было бы спать столько же. И вообще - почему в таком случае лошади не рождаются с седлами и стремянами на спинах? Почему их приходится объезжать и учить? Да и, если вдуматься - разве есть в мире *хоть что-то*, что выглядело бы созданным специально для человека? Чтобы вот просто протянул руку и взял - и не надо было ни выращивать, ни удобрять, ни искать, ни ловить, ни обрабатывать, ни лезть на дерево, ни чистить от скорлупы или шкуры, ни выплевывать семечки и кости... Нет. Ничего. Священник, конечно, сказал бы, что и это - промысел, ибо сказано - "в поте лица будете добывать хлеб свой..." За то, что кто-то когда-то съел яблоко. Вот, кстати, это яблоко как раз было из серии "протянуть и взять". Если бог так не хотел, чтобы его ели, что мешало ему сделать ветку на пару ярдов повыше? Сделать само яблоко неаппетитным, вонючим и кислым, в конце концов? Но нет - он сделал все словно специально для того, чтобы его завет был нарушен. Чтобы иметь повод для наказания. Для вечного наказания всего человеческого рода...

С таким богом и поведение защитников его веры не выглядит удивительным. Яблочко от яблони, вот уж воистину... Или - на самом деле все наоборот? Вся эта история с яблоком - а затем и с потопом, и с испепеленными городами - придумана лишь затем, чтобы ссылками на божественный пример оправдать человеческую жестокость?

"Тилли! - позвал Родгар. - Ты все еще на дереве?"

"Да, но думаю спуститься. Мне надоело тут сидеть. И к тому же тут было только одно гнездо, и воды тут тоже нет."

Да. Может, оставаться на дереве для нее и было бы безопасней, но заставить ее просидеть там три дня без воды и еды было бы чересчур.

"Внизу все спокойно?"

"Да."

"Хорошо, спускайся. Только сначала посмотри так далеко, как сможешь - путь на юго-восток свободен?"

"Что такое юго-восток?"

"Восток - это где всходит солнце, а юг - где оно бывает в полдень. Тебе нужно выбрать направление примерно посередине между этими двумя. Я на юго-востоке от тебя, но пока еще далеко. Мы встретимся быстрее, если ты пойдешь мне навстречу - но только если это не слишком опасно."

"Вряд ли там опаснее, чем где-нибудь еще в лесу."

"Тебе не придется проходить мимо твоей деревни? Вряд ли чудовища все еще там, но..."

"Нет, она на... как называется юг наоборот?"

"Север."

"Она осталась на севере."

"Хорошо."

И особенно хорошо, что она не увидит того, что могла бы там увидеть. Родгару на миг представился образ его собственных родных, располованных на куски четырехдюймовыми когтями лесной нечисти, и он даже замотал головой, отгоняя видение. А ведь в его случае это всего лишь игра воображения...

"Я внизу," - доложила Тилли.

"Знаешь, как выдержать направление и не заблудиться, даже если солнца не видно? Выбираешь ориентир, скажем, приметное дерево, и идешь к нему. Потом выбираешь следующий..."

"Родгар, - судя по тону, она улыбалась, - я всю жизнь в лесу живу."

"Извини, недооценил. Я вот не всю жизнь... Вот еще что. Надо бы тебе хоть чем-то вооружиться."

"Вооружиться?"

"Ну, конечно, ничто серьезное ты изготовить не можешь, но хотя бы простую рогатину. Крепкую палку с разветвлением, чтоб было два острых конца. Концы можно заострить о какой-нибудь камень. От нечисти такой штукой, конечно, не отбиться, но какого-нибудь зверя поменьше шугануть можно. И рыбу ей можно бить. А еще - дорожку в траве прощупывать, чтоб на змею не наступить."

"Хм... я поищу подходящую палку."

Взрослые лесовики - самые смелые и сильные, конечно - ходят с рогатиной даже в одиночку на медведя. Медведь - он ведь не только трус, он еще и злобный дурак: уж если он попер на тебя, то сам насаживает себя на рогатину - достаточно лишь упереть тупой конец в землю или, лучше, в дерево. Но маленькой девочке такое, конечно, не под силу. Достаточно будет, если она изготовит рогатину в половину или треть от нормальной - чтобы отпугнуть какого-нибудь, допустим, обнаглевшего одинокого волка, этого хватит. Хотя против стаи опять-таки не спасет... Впрочем, не стоит думать о худшем заранее. То есть, конечно, о худшем надо думать заранее - тогда, когда это помогает это худшее предотвратить. А когда все зависит лишь от случайного везения...

Вскоре Тилли отчиталась, что сломала подходящую ветку и заострила ее концы.

Солнце поднималось все выше. В лесу приятно пахло смолой и хвоей; елки и сосны росли здесь вперемешку с лиственными деревьями. Весело чирикали птицы.

"Впрочем, - подумал Родгар, - это только нам кажется, что весело. Но откуда мы можем знать? Может, на самом деле они ругаются последними словами на своем птичьем языке." Да, одиночество и в самом деле сделало из него философа, задумывающегося о том, что обычно не приходит людям в голову...

"Родгар, а каково это - быть странствующим рыцарем?"

"Ну..." - он замялся. Ему не хотелось рассказывать девочке, у которой и без того хватало поводов для грусти, что на самом деле это совсем не веселое занятие. И еще недавно он был близок к выводу, что оно вообще бесполезно.

"Я вот никуда еще не странствовала из своего селения, - продолжила Тилли, не дождавшись вразумительного ответа. - Сейчас, пожалуй, первый раз. А ты далеко странствовал?"

"Далеко, - улыбнулся Родгар. - Гораздо дальше, чем ты сейчас."

"До самого края леса?"

"Вообще-то еще дальше."

"Разве за краем леса что-то есть?" - удивилась Тилли.

Он вновь улыбнулся ее наивности.

"Много чего. Ваш лес, на самом деле, не так уж велик, если сравнивать с миром в целом."

"И ты везде побывал?"

"Нет, конечно. На это, наверное, не хватит всей жизни. Но сюда я прибыл с юга. С юго-востока, если быть точным..."

"Да, ты говорил."

"Нет, это не тот юго-восток, где я сейчас. Это во много раз дальше. Там... все другое. Там очень жарко, даже зимой не бывает снега. Деревьев почти нет, не считая отдельных рощиц в оазисах и искусственно орошаемых садов. Мало воды. Пустыня."

"Нет деревьев? - для Тилли это было, похоже, сродни заявлению, что в какой-то стране нет неба. - И что такое эта пустыня?"

"Песок. Камни. Почти ничего не растет, лишь кое-где - чахлые колючие кустики..."

"Зачем же ты отправился странствовать в такое жуткое место?"

"Чтобы сражаться", - вздохнул Родгар.

"С чудовищами?"

Да, мрачно подумал он. С чудовищами. Плечом к плечу.

"Так мне сказали, - ответил он, дабы не вдаваться в теологические и политические материи. - Но все оказалось не так... точнее, - он вновь вспомнил шевелящийся обрубок, в который превратили барона Грюнхардта, - не совсем так. И тогда оттуда я отправился сюда. Здесь, по крайней мере, чудовища настоящие."

"Лучше бы они были ненастоящие!"

"Да, конечно, - спохватился он. - Но раз уж они здесь есть, здесь я, по крайней мере, могу кому-то помочь. Без всяких оговорок и не терзаясь потом муками совести. Тебе, например."

"А ты уже многим помог?"

"Нет, - он вновь не нашел в себе сил соврать. - Но я пытался. Наверное, я плохой странствующий рыцарь."

"Ты хороший!" - решительно возразила Тилли.

"Спасибо, - улыбнулся он. - Я ценю твое доверие."

Впрочем - кому еще ей доверять?

"Теперь все получится, Тилли, - сказал он. - Теперь не сорвется."

Хотел бы он сам быть в этом уверенным.

Около полудня Родгар выехал на поляну, где в траве журчал родник, и остановился на привал. Он напоил коня и напился сам, затем доверху наполнил обе фляги и распаковал початый копченый окорок - трофей, захваченный у разбойников. На самом деле это был не единственный его трофей. Деньги, что были у бандитов при себе - очевидно, награбленные - тоже достались ему. Родгар понимал, что уже не сможет отыскать их законных владельцев, но и просто бросить их вместе с трупами грабителей было бы тем более глупо. Может быть, ему удастся потратить их на какое-нибудь благое дело. Если же нет - что ж, со временем он потратит их на себя. В

давние времена его совесть возмутилась бы против подобной идеи, но теперь он понимал, что это всего лишь разумно. И уж куда более благородно, чем те "боевые трофеи", которыми доблестное рыцарство набивало походные сумки и сундуки в городах типа Эль-Хурейма.

Краем глаза Родгар уловил какое-то движение; одновременно коротко фыркнул Ветер. Быстро повернув голову, рыцарь увидел молодого оленя, вышедшего на край поляны. Некоторое время человек и зверь рассматривали друг друга: олень - с пугливым любопытством, готовый в любой миг сорваться с места, Родгар - со снисходительной улыбкой. Огорока маловато, если все три дня придется ехать по лесу, а потом еще невесть сколько выбираться к ближайшему уцелевшему селению или корчме, кормя заодно и девочку, но у Родгара не было лука - этим оружием он не владел. Лук - оружие легкой кавалерии (или пехоты, если речь о длинных луках), а не тяжелой рыцарской конницы. Рыцарь скачет в бой с копьем, которое ломается после первого же удара, и дальше продолжает сражаться мечом или топором (некоторые, впрочем, предпочитали шипастую палицу-моргенштерн). Хорошо для боя с противником, жаждущим сразиться, плохо для охоты на пугливую дичь. Так что Родгар не добывал пропитание охотой в этом охотничьем краю. В крайнем случае он мог поставить силки на птицу или мелкую живность, но чаще покупал еду в харчевнях - мясо здесь стоило очень дешево, заметно дешевле хлеба - или довольствовался бесплатным угощением, предписанным местными обычаями гостеприимства. Теми самыми обычаями, по которым вечером тебе предложат стол и постель (особенно если уже темнеет - нельзя оставлять человека на ночь в лесу, где бродит кровожадная нечисть!), но будут рассчитывать при этом, что утром ты не станешь задерживаться.

Деньги у Родгара, даже если не учитывать его свежий трофей, пока еще были - несмотря на то, что, покидая армию в одиночку и тайком, он бросил в обозе все свое имущество (не самое бедное имущество графского сына). На радость слугам и оруженосцам, очевидно - которые формально, конечно, обязаны были вернуть все до гроша его отцу, однако Родгар сильно сомневался, что они так и поступили. Но, уже покидая южные земли, он продал свой фамильный перстень местному ювелиру из обращенных, то есть принявших веру завоевателей. Этим людей положено было считать живым символом торжества Святой Церкви и "новыми возлюбленными братьями нашими" (впрочем, одновременно Конгрегация следила за ними с особым тщанием, подозревая в ложном обращении и тайном практиковании прежней веры) - однако Родгар не мог заставить себя думать о ювелире иначе, чем как о предателе. Если у него, или у какого-то из его покупателей - который, конечно, сразу укажет на продавца - найдут графский перстень, то почти наверняка обвинят в убийстве и ограблении рыцаря (в лучшем случае - в скупке краденого), ибо ни один дворянин, даже находясь в положении крайней нужды, не продаст подобную фамильную реликвию. И мысль о том, какими последствиями обернется для этого толстого плешивого коротышки со сладкой восточной улыбкой его жадность (а предложенная им цена была явно заниженной), доставляла Родгару мстительное удовольствие. Впрочем, скорее всего этот тип, достаточно ушлый, чтобы вести бизнес при любых властях, поспешил сразу же переплавить золотое кольцо и вставить камень в новую оправу...

Где-то в лесу хрустнула ветка, и олень тут же умчался в чащу, мелькая коротким белым хвостом между деревьями. Родгар насторожился. Ветер тоже раздул ноздри и повернул голову, но не выказывал более явных признаков беспокойства. Некоторое время рыцарь всматривался в лес, но так и не заметил - и больше не услышал - ничего примечательного. Если что-то и бродило там, оно явно не решалось напасть. Тем не менее, Родгар решил не задерживаться на этом месте. Если это был зверь, он, скорее всего, просто ушел прочь. Но если за одиноким путником на поляне следили из чащи чьи-то иные глаза... кого-то *похуже* зверя... тогда этот кто-то мог вернуться с подкреплением. И не то чтобы Родгар этого боялся, но отвлекаться на лишние стычки ему сейчас ни к чему. Его главная задача - как можно скорее добраться до Тилли.

"Родгар, у тебя все в порядке?"

"Конечно, Тилли. Почему ты спросила?"

"Просто... мне показалось, что ты чем-то встревожен."

Черт. Не хватало, чтобы она начала воспринимать мысли, которые он и не думал ей транслировать. Раньше такого не случалось. Впрочем, раньше он ни с кем не общался через камень так долго - уже полдня. Все, кого он пытался спасти до этого, умирали быстрее. Может быть, со временем происходит какая-то притирка... Хотя нет - с разбойником, провалившимся в берлогу, он был на связи еще дольше, и никаких подобных эффектов. Но это было давно. Может быть, от длительного пользования камнем, пусть даже и с разными людьми, выросла его собственная... способность? Как регулярные тренировки с мечом - тебе кажется, что ты наносишь удары с прежней силой, а на самом деле она уже увеличилась даже незаметно для тебя... Или дело не в нем, а в особой чувствительности самой Тилли? Или в них обоих?

"Просто какой-то зверь прошел мимо, но он уже ушел, - Родгар снова взобрался в седло. - А как у тебя дела?"

"Иду тебе навстречу", - бодро отрапортовала Тилли. Да, он и сам чувствовал, что расстояние между ними постепенно сокращается - в том числе оно продолжало сокращаться и во время его привала. "Видела змею, но она убежала под корягу."

"Уползла, - автоматически поправил Родгар и тут же спохватился: - Ты что, специально за ней гналась?!"

"Их же едят?"

"Ну... в принципе едят. Там, на юго-востоке. Там свежая змеиная кровь даже считается целебной, хотя наш полковой лекарь говорил, что это языческое суеверие. Но факт, что у змей ядовиты только головы, а остальное можно есть..."

"Нет, - авторитетным тоном возразила Тилли, - эта была не ядовитая."

"Ядовитая или нет, лучше тебе не гоняться за змеями, - решительно заявил Родгар. - Ты что, так быстро снова проголодалась?"

"Пока нет, но надо же заботиться о будущем," - серьезно, как взрослая, ответила Тилли.

"Лучше поищи не змей, а какие-нибудь грибы или ягоды."

"Разве их едят?" - на сей раз, в отличие от вопроса про змей, в голосе Тилли прозвучало неприкрытое удивление.

"Неужели ты никогда не собирала грибы и ягоды?! - изумился, в свою очередь, Родгар. - Я думал, для девчонки из лесной деревни летом это чуть ли не основное занятие."

"Папа и мама говорили, что их нельзя есть."

"Ну, конечно, среди них тоже есть ядовитые... но съедобных все-таки много, я думал, ты их все наперечет знаешь. Я-то нет, я же не из этих мест... там, где я родился, тоже есть леса, но другие..."

А может, в этом-то и дело, подумал Родгар. Здесь леса куда более суровы и неприветливы к человеку, чем в цивилизованных краях. Может, здесь грибы и ягоды и в самом деле не подходят в пищу... хотя нет, он вспомнил, что уже в этих краях ему приходилось есть грибные блюда, хотя он никогда не собирал лесные дары сам - и потому, что действительно не разбирался в здешних видах, и потому, что... не рыцарское это занятие. Он привык ездить на коне, а не заглядывать под каждый листик и кустик. Скорее, родители Тилли (а может, и все взрослые деревни) говорили ей так, чтобы отбить у девочки охоту одной (или даже с подружками) ходить далеко в лес - вот *это* в здешних краях действительно опасно. Можно и заблудиться, и нарваться на кого угодно. А может, тут и какие-нибудь религиозные запреты наложились... вера в этих уединенных, отрезанных от мира деревнях порою принимает весьма странные формы...

"Твои родители не хотели, чтобы ты подвергала себя лишнему риску в лесу, - сказал он, - но, раз уж теперь ты все равно в лесу одна, грех не пользоваться его дарами. Про грибы, впрочем, забудь, я не смогу подсказать тебе, какие съедобные... да и сырыми, наверное, никакие есть не стоит... а вот если найдешь, где много ягод, опиши мне, как они выглядят."

"Хорошо, - Тилли немного помолчала, а потом спросила: - Родгар, а если ты не из наших мест, где твой дом?"

"Теперь, очевидно, нигде", - печально констатировал рыцарь.

"Его тоже разрушили чудовища?"

"Нет... на моей родине их нет. Там их считают сказками невежественного простонародья, - усмехнулся Родгар. - А если бы они там и водились, им не одолеть практически неприступный замок. Но я не могу туда вернуться."

"Почему?"

"Это сложно объяснить."

"Обычно так говорят, когда стыдно сказать правду", - обвиняюще констатировала Тилли.

"Ну... - он вновь усмехнулся, даже не пытаясь прятать от нее свои мысли, - в какой-то мере так и есть. Стыдно мне, что я верил в то, во что верил. И стыдно было бы моему отцу, если бы он узнал, что я больше не верю в это."

"Значит, твои родители живы?"

"Отец жив... я думаю. Но я для него все равно что умер. А мама умерла, когда родилась моя младшая сестра, Сандра. Ты мне, кстати, чем-то Сандру напоминаешь, только у меня такое чувство, словно ты взрослее. Хотя на самом деле ей сейчас уже больше лет, чем тебе."

"И ты больше ее не увидишь?"

"Похоже на то", - вздохнул он.

"Родгар... а хочешь, теперь я буду твоей младшей сестрой?"

"Спасибо за предложение, Тилли", - улыбнулся он. Ему вновь представился залихватистый смех Сандры и ее лукавые карие глаза. Сможет ли Тилли когда-нибудь так же смеяться - после того, что случилось минувшей ночью? Возможно, что и да. И, конечно, она пытается не только утешить его, но и утешиться самой. Двое, каждый из которых лишился дома и семьи - у кого им теперь искать утешения, как не друг у друга? С ее точки зрения, все просто. Не существует ни сословных, ни иных барьеров. "Но лучше тебе отправиться к твоей настоящей родине. У тебя остались какие-нибудь родственники в других селениях?"

"Нет."

М-да. И это, в общем, не удивительно, учитывая, как живут лесовики в этих своих медвежьих углах. Невест из других деревень иногда все же берут, но это скорее исключение, чем правило.

Но что ему, в самом деле, теперь делать с девочкой? До этого Родгар думал лишь о том, как поскорее добраться до нее и взять под защиту. Но что потом? Куда он повезет ее? Ее деревня уничтожена, вся родня мертва. Ничего похожего на сиротские приюты в этих краях, разумеется, нет и не предвидится (да и в более цивилизованных землях такие заведения функционируют под патронатом церкви, к которой Родгар больше не испытывал ни уважения, ни доверия - тем паче что кое-какие грязные слухи о том, в каком именно смысле служители божьи любят беззащитных сироток, доходили до него и прежде, хотя тогда Родгар считал их гнусной клеветой). Остается одно - везти ее в первое попавшееся село и предлагать чужим людям взять девочку в свой дом. Желаящие, наверное, найдутся - но в каком качестве они ее возьмут? На этот вопрос лучше всего отвечают сказки, придуманные самим же народом. Участь падчерицы в них никогда не бывает легкой. Бесплатная домашняя прислуга, практически рабыня, которую новые "родители" постоянно шпыняют, попрекая каждым куском, а "братья" и "сестры" третируют просто из вредности. Причем такие сказки рассказывают в цивилизованных центральных провинциях. В здешних краях, учитывая суровый и угрюмый нрав лесовиков и степень изолированности их деревень, все наверняка еще хуже. И никаких принцев в финале, конечно же, не предвидится...

Но он-то что может с этим поделать?! Ведь не взять же ее с собой, в самом деле. Прежде всего, он совершенно не видит себя в роли отца или брата, заботящегося о маленьком ребенке.

Хотя прежде он уже отчасти исполнял эту роль - с Сандрой. Их суровый отец, еще более замкнувшийся после смерти супруги - смерти, невольной причиной которой стала Сандра - почти не принимал участия в воспитании девочки. Зато в старшем брате она души не чаяла, и они проводили вместе чуть ли не все свободное время - гораздо больше, чем это обычно бывает в дворянских семьях, где братья и сестры с малолетства идут разными, предписанными традицией путями: мальчикам - кони, оружие, доспехи, девочкам - вышивание и музицирование. Но в те годы он и сам был смешливым и беззаботным мальчишкой. А не солдатом, прошедшим страшную кровавую войну, видевшим ужасную смерть других и убивавшим собственноручно - и убедившимся, что все это было бессмысленно... А кроме того, теперь у него нет даже дома, куда он мог бы ее отвезти! Не может же он "поселить" ее на коне у себя за спиной! Странствующий рыцарь, повсюду таскающий за собой девятилетнюю девчонку?! Это настолько нелепо, что даже не смешно. Грех, как говорится, смеяться над убогими...

Спасать из беды тех, кого некому больше спасти - и уезжать прочь прежде, чем их благодарность начнет их тяготить. Просто было сформулировать свой кодекс странствующего рыцаря в теории. А на практике... похоже, что с успешным спасением проблемы не заканчиваются, а только начинаются.

"Родгар? - прервала она затянувшееся молчание. - Тебе не понравилось то, что я сказала?"

"Н-нет, Тилли, я... очень ценю, но... ты ведь даже не знаешь меня толком, и потом..."

"Ладно. Забудь", - это тоже прозвучало с практически взрослой интонацией. Тилли еще немного помолчала и добавила: "Теперь, по крайней мере, я точно знаю, что ты настоящий. Будь ты просто моим воображением, ты бы так не ответил."

Да, подумал Родгар. Лучший способ отличить мечту от реальности - мечта не причиняет боль.

Впрочем, какая, к черту, боль? Он ей никто. Девчонка просто навоображала себе... что вполне простительно, учитывая пережитую ею трагедию и шок, но не имеет никакого практического смысла. И вообще до проблемы, что делать с ней дальше, надо сначала дожить. Им обоим.

Родгар поглядывал по сторонам в надежде обнаружить какие-нибудь признаки близкого жилья или дороги, но увы - чаща лишь становилась все гуще. На смену просвеченному солнцем лесу, через который он ехал утром, пришли глухие места, где сплетавшиеся в единый полог над головой кроны древних деревьев почти не пропускали света; внизу царил сырой полумрак, и на смену приятному аромату нагретой смолы пришел запах мха, плесени и гниения. Многие деревья здесь были такими старыми, что частично лишились коры; она свисала лохмотьями с бледных голых стволов, словно остатки плоти с костей исполинских чудовищ. Большие уродливые дупла здесь тоже не были редкостью. Трава исчезла, ей явно не хватало света, и почву под ногами покрывал серо-черный ковер давно опавших листьев; Ветру пришлось перейти здесь с рыси на шаг, и периодически осторожно переступать через поваленные обомшелые стволы. Даже птичья перекличка осталась позади; в этой части леса царила зловещая тишина, нарушаемая лишь то чавканьем грязи, то треском сломанной ветки под копытами коня.

Родгар, возможно, и не обратил бы внимания на темную грудку справа, у вывороченных корней упавшего дерева, если бы не клочья грязно-синего цвета, выделявшегося на фоне буро-серо-черных оттенков вокруг. Он повернул коня, сразу же, разумеется, поняв, что это такое. Подъезжая, он почувствовал и запах, слишком хорошо знакомый ему со времен Священной войны.

Она лежала здесь давно, явно уже не первую неделю. Серо-зеленоватая кожа, успевшая обрести чем-то вроде плесени, полопалась, обнажая сырую сизо-багровую плоть, в которой копошились черви и насекомые. От лица практически ничего не осталось (падальщики хорошо поработали над ним) - лишь рыхлая бесформенная масса с ямами глаз и беззубого рта, в котором

тускло блестели торчавшие из голых десен зубы. Тем не менее, можно было понять, что это женщина, и, судя по целым зубам и отсутствию седины в волосах - достаточно молодая. Скорее всего, сообразил Родгар - девушка, замужние женщины в этих краях не выходят из дома, не спрятав волосы под платок. Ее платье превратилось в грязные лохмотья, пропитанные кровью и гнилостными соками, пальцы рук были объедены до костей; возле правой руки валялась перевернутая корзина. Вот вам и наглядный ответ на вопрос, почему родители Тилли предпочли внушить ей, что грибы и ягоды вообще несъедобны...

Несмотря на весь ущерб, нанесенный телу разложением и падальщиками, причину смерти все еще несложно было установить: четыре глубокие резаные раны наискосок пересекали правый бок и живот, еще четыре такие же располосовали до костей левую грудь. То, что нанесло их, было слишком острым и тонким для медвежьих когтей, но не были это, разумеется, и ножи разбойников - ни один человек не наносит удар четырьмя ножами одновременно. Но Родгару уже приходилось видеть такие раны. Есть лишь один вид тварей, оставляющих подобные следы.

Следов крупных зубов не было. Что бы там не рассказывали в деревнях о том, что лесная нечисть - людоеды, труп этой несчастной явно ели лишь черви, жуки и мелкие зверьки. А то, что ее убило, просто махнуло когтями и спокойно пошло дальше, оставив жертву гнить, и именно это вызвало у Родгара особенный гнев. Мотив хищника-людоеда, по крайней мере, понятен. Понятен и мотив медведицы, защищающей медвежонка. Но чем могла угрожать четырехрядовому монстру одинокая девушка, собиравшая ягоды или грибы? Даже у тех, кто устроил бойню в Эль-Хурейме (как и у их противников, пытавших и калечивших пленных) был *хоть какой-то* мотив - пусть ложный, пусть недостойный, но... Здесь же - просто тупая, бессмысленная жестокость. "Увидел человека - убей".

И ведь так они поступают только с людьми, сообразил Родгар. Он ни разу не видел в этих лесах трупа животного в таком состоянии - хотя ему доводилось наткаться на останки волчьей или медвежьей трапезы - и не слышал, чтобы о таком рассказывали крестьяне. Нечисть, воистину нечисть. Тут не нелепые религиозные догмы. Тут действительный, настоящий, смертельный враг человеческого рода. И значит, какие бы мрачные мысли ни накатывали на него прежде, когда он сталкивался с недружелюбием крестьян или раз за разом опаздывал на помощь, тут он со своим мечом все-таки на своем месте.

"Родгар?"

"Да, Тилли!" - он заставил себя отвести взгляд от того, что лежало на земле.

"Я нашла целые заросли кустов с ягодами! Такие темно-розовые, пупырчатые. Мягкие на ощупь."

"Похоже на малину! Осторожно попробуй одну, если не понравится - сразу выплюни. Должна быть сладкая, и внутри нет большой косточки, но много очень-очень мелких, их не видно, но можно почувствовать на зубах."

Пауза.

"Да. Сладкая. И косточки."

"Отлично. Это можно есть. Только если съесть слишком много, будет оскомина. И будь осторожна в этих кустах. В малинник может забрести медведь."

"Они не такие высокие, чтобы я его не заметила."

"Ну, хорошо. Угощайся."

Родгар вновь тронул коня с места. По-хорошему, убитую, конечно, следовало бы похоронить. И у него даже была при себе небольшая походная лопатка. Но сейчас он не может тратить на это время. Его помощь нужнее живой.

У Родгара мелькнула была надежда, что деревня, из которой пришла эта несчастная девушка, где-то рядом, но теперь он сообразил, что это не так. Иначе за эти недели односельчане нашли бы ее и предали земле. Что же заставило ее забраться так далеко от дома? И кстати -

какие ягоды она могла собирать в этой глухой и мрачной части леса, где на земле ничего не растет, кроме мха и лишайника? Хотя грибы, наверное, бывают и в таких местах, вот только съедобные ли - к тому же Родгар до сих пор не видел ни одного... Возможно, она просто заблудилась. И еще одна странность - удары были нанесены ей спереди. То есть она не бежала от чудовища, а шла ему навстречу? Не заметить такую тварь трудно. Впрочем, если монстр прятался за толстым стволом огромного дерева и внезапно шагнул навстречу жертве... Или первый удар был все-таки в спину - Родгар ведь не переворачивал труп - а потом тварь перевернула тело, чтобы полоснуть еще пару раз для верности. Или для того, чтобы насладиться выражением ужаса и боли на лице жертвы...

А почему, интересно, эта девушка отправилась в лес в одиночку? Просто по глупости и недосмотру родителей? Или это была сирота, о которой некому позаботиться и для которой это был единственный способ прокормиться? (Родгар вновь подумал о Тилли.) Не исключено, конечно, что ее село тоже уничтожили, но тогда она вряд ли прихватила бы при бегстве корзинку... А может быть и так, что она пришла в эту чащу вовсе не за обычными дарами леса. А за ингредиентами для какого-нибудь колдовского зелья - приворотного, например. Вот их, наверное, в таких жутких местах и собирают... Родгар знал, что в местных селениях отношение к ведьмам совсем иное, чем в цивилизованных областях. Здесь их не жгут на кострах и даже не приговаривают к церковному покаянию. Лесовики относятся к ним со смесью страха, неприязни и, в то же время, уважения - ибо не брезгают прибегать к их услугам. Деревенская колдунья - это, чаще всего, единственный источник медицинской помощи, на который они могут рассчитывать. И Родгар понимал, что целебные растения действительно могут излечивать недуги без всякой помощи нечистой силы. Но услуги сельских ведьм одним лишь целительством не ограничиваются, и вот тут уже начинается скользкая почва... Как знать - может, эта девица самонадеянно решила, что сможет колдовством подчинить себе лесную нечисть, потому и не пыталась бежать? Что ж - Святая Церковь была бы довольна результатом...

В этом случае, кстати, она могла быть и не так молода, как сперва подумал Родгар. В легендах ведьмы обычно либо безобразные старухи, либо юные красавицы (и именно за таковыми чаще всего охотилась Конгрегация Стражей). На самом деле, как теперь уже знал Родгар, ведьмы могут быть любого возраста. Были среди них и старухи - что, учитывая, сколь недавно люди пришли в эти края, означало, что они не выросли здесь. Они были ведьмами и прежде, когда жили в более цивилизованных провинциях, просто там они скрывали свое ремесло от Конгрегации, а здесь надобность в маскировке отпала. Были и женщины помоложе, ставшие ведьмами уже здесь. Церковь любила распускать слухи о чрезвычайной блудливости ведьм, но Родгар теперь знал, что это еще одна ложь. На самом деле все они были девственницами, независимо от возраста. Считалось, что это обязательное условие для сохранения колдовской силы, хотя Родгар не знал, правда это или деревенское суеверие. Существовала и более циничная версия, что просто ни один мужчина не рискует с ними связываться. Так или иначе, своих детей у них не было и быть не могло. Поэтому, когда деревенская колдунья чувствовала, что стареет, она брала себе в ученицы какую-нибудь девочку - чаще всего сироту...

А ведь это мысль, подумал Родгар. Это лучше, чем участь нелюбимой падчерицы, взятой в крестьянскую семью исключительно ради работы по хозяйству. (Слышал бы его сейчас прежний Родгар - защитник Святой Веры!) Но - уверен ли он, что хочет для Тилли такой карьеры? Она получит знание и силу, ее будут уважать и бояться - и одновременно между ней и остальными людьми проляжет черта, обрекающая ее на вечное одиночество. Ну, точнее, не на вечное, а пока она сама не подыщет себе преемницу - но это положено делать уже в старости... Одиночество не только в смысле отсутствия собственной семьи и детей - с ведьмами вообще стараются общаться как можно меньше, когда нет непосредственной нужды в их услугах. Даже дом колдуньи обычно стоит на отшибе деревни или вовсе в лесу на некотором расстоянии от

нее.

Сам Родгар уже привык к одиночеству и не считал, что это так уж плохо - даже несмотря на то, что раздумья, посещавшие его в его нынешних странствиях, были по большей части нерадостными. Но то он, а вот захочет ли такой участи Тилли? Самый простой способ - спросить ее, конечно. Но ей всего девять лет, и родители или другие дети наверняка приучили ее обходить дом местной ведьмы стороной. Скорее всего, она просто испугается, даже если честно обрисовать ей альтернативу. Возможно, лет через десять она бы отнеслась к этому иначе, но ведь решать-то придется сейчас...

И кроме того - Родгар только что видел, как порой кончают ведьмы (если, конечно, погибшая и в самом деле была одной из них). Хотя, с другой стороны, большинство односельчан Тилли никакого отношения к колдовству не имели, а кончили так же...

Но если со временем сюда таки доберется Конгрегация, у ведьм возникнут и дополнительные проблемы.

Плохо быть сиротой в этом мире, ничего не скажешь. Впрочем, иметь знаменитого и могущественного отца тоже не всегда хорошо...

Меж тем лес вокруг не становился жизнерадостней. Напротив - в нем сделалось еще темнее, хотя до заката было еще далеко. Должно быть, там, наверху, натянуло тучи, закрывшие солнце.

Родгар вспомнил треснувшую ветку, заставившую его досрочно прервать привал. Чьи все-таки глаза наблюдали за ним из леса? Может, того же чудовища, что расправилось с девушкой в синем платье? Вряд ли, конечно - с тех пор прошло много дней, да и место другое... но, в конце концов, что люди знают о повадках нечисти? Может, эта тварь регулярно патрулирует достаточно большую территорию... может, и сейчас следует за замеченным ею всадником, прячась в полумраке и дожидаясь полной темноты. Ноги лесной нечисти, хотя и короче рук, позволяют тягаться с лошадью, идущей рысью - а Ветер в последние часы вынужден идти шагом... Хотя, конечно, нельзя делать столь далеко идущие выводы из одной треснувшей ветки и одного несвежего трупа. Но и отмахиваться от возможной ночной опасности тоже не стоит.

Родгар резко развернул Ветра и поехал обратно, всматриваясь в свои следы. Копыта могучего коня, несшего на себе немалый груз - всадника со всем его вооружением и походным скарбом - оставляли вполне отчетливые отпечатки среди гниющих листьев и мха; кое-где в этих ямках даже образовались маленькие лужицы. Если Родгара и в самом деле преследовало чудовище, не желавшее связываться с рыцарем при свете дня, оно, конечно, могло отступить в чащу, избегая встречи - но весило оно тоже немало, и в сырой почве также должны были остаться его следы. Однако, проехав вспять около трети часа, Родгар так и не обнаружил ничего подобного и вновь повернул на северо-запад. Тем не менее, он не жалел о потраченном времени - предосторожность была не лишней. Никогда не следует недооценивать противника. Одно дело - если бы блуждающий в ночи монстр или даже обычный хищник наткнулся на спящего рыцаря случайно (тут он рассчитывал, что Ветер успеет поднять тревогу), и совсем другое - если бы враг выслеживал его и планировал нападение вполне целенаправленно. В этом случае был риск и не успеть изготавиться к обороне...

Конечно, существовал и другой риск - что, если для того, чтобы спасти Тилли, ему не хватит как раз потраченных сейчас сорока минут? Но гарантированно уберечься от всех опасностей, живя в диком краю, населенном смертельно опасными тварями, в любом случае невозможно. Все же Родгар решил постараться еще сократить свои и без того минимальные привалы.

"Родгар..."

"Что случилось, Тилли?" - на сей раз голос девочки ему не понравился.

"У меня живот болит. И тошнит."

Вот же черт, подумал Родгар. Советчик выискался. Умник. Ешь, девочка, малину, она сладкая. Уж я-то, странствующий по этим лесам без году неделю, лучше знаю, чем твои родители, прожившие здесь многие годы... Да откуда ему вообще знать, что здесь на самом деле съедобно, а что нет?! Может, здесь есть ягоды, похожие на малину, но при этом ядовитые. Или даже это настоящая малина, но здесь она поражена какой-нибудь болезнью...

Или дело все-таки не в ягодах? А, скажем, в запоздалой нервной реакции на пережитый ночью ужас? Да нет, что он себя обманывает. Ему доводилось видеть взрослых и сильных мужчин, в самом буквальном смысле обгадившихся в первом бою - но это происходило именно в бою, а не вечеру следующего дня.

Что же теперь делать? Если это яд, вызывать рвоту, видимо, уже поздно - он уже впитался в кровь...

"Тилли, тебе очень плохо? Голова не болит? Руки-ноги не немеют? В глазах не темнеет?"

"Нет, только живот крутит..."

Уже лучше, хотя - кто знает, что будет дальше.

"Тебе нужно больше пить. Только чистую воду, а не какую-нибудь болотную. Поблизости есть какой-нибудь родник?"

"Должен быть. Тут летают стрекозы, которые всегда держатся поблизости от воды."

"Отлично, Тилли, ты наблюдательная! Ищи проточную воду. Если найдешь застойную, тогда ищи ручей, который в нее впадает."

"Родгар, это ведь из-за ягод? Мама не зря говорила, что их нельзя есть..." - это прозвучало не как упрек, а просто как желание уточнить.

"Да, наверное, из-за ягод, - вздохнул Родгар. - Прости, Тилли, я был совершенно уверен, что они съедобные. Это потому, что я не из этих мест. На моей родине точно такие же едят. Больше не буду давать тебе таких глупых советов. А твоя мама случайно не говорила тебе про какую-нибудь травку, которая помогает при расстройстве желудка?"

"Говорила. Но здесь такая не растет. О-ох, опять начинается..."

"Ничего. Организм избавляется от отравы. Все будет хорошо."

Самая, наверное, лживая человеческая фраза - "все будет хорошо"...

Сверху донесся нарастающий шум, словно приближался порыв ветра. Но это был не ветер. На лицо Родгара упала холодная капля, и он понял, что начался дождь.

Сплошной полог ветвей и листьев высоко над головой, пропускавший так мало света, служил защитой и от дождя, но Родгар понимал, что эта защита весьма относительна, особенно если ливанет вовсю - а судя по донесшемуся пока еще не очень сильному раскату грома, дело к тому и шло. Хорошо, если гроза кончится быстро, но Родгар уже знал, что в этих краях дожди могут быть сильными и затяжными одновременно. Ночевать в лесу в такую погоду - удовольствие сильно ниже среднего. Да и доспехам вода не идет на пользу.

Тилли сообщила, что нашла ручей. "Кстати о воде", - подумал про себя Родгар (сверху тем временем уже капало куда активнее) и спросил: "Как там у тебя с погодой?"

"Хороший теплый вечер, - ответила Тилли с некоторым удивлением. - Солнце светит. А у тебя разве не так?"

"У меня тут гроза... Это потому, что я все еще слишком далеко. Но я спешу, как могу."

"Когда ты придешь?"

"Думаю, послезавтра. Раньше никак, увы."

"Я постараюсь быстрее идти тебе навстречу."

"Пусть сначала твой живот успокоится. Не уходи от воды."

"Ручей течет почти в нужную сторону. Правда, больше на юг, чем на восток. Но ты ведь сможешь меня найти?"

"Да. Я чувствую, где ты. Хорошо, иди вдоль ручья."

В цивилизованных местах это считается универсальным советом. Заблудился в лесу -

идти вдоль ручья, он выведет тебя к реке, а река - к людям. На самом деле даже и там ручей может привести куда угодно. Например - к глухому лесному озеру. Или, хуже того - в болото. Да и река может привести к обрыву с водопадом, откуда невозможно спуститься. И даже обычные густые заросли могут сделать берега непроходимыми. А уж здесь... здешняя река и без всех этих вариантов может вести все дальше в глушь, прочь от каких-либо поселений, до самого своего устья, где разбиваются о безжизненные скалы свинцовые ледяные волны Северного океана...

Но Тилли не нужно отыскивать дорогу в чаще. Амулет выведет Родгара к ней. Ее задача - всего лишь дожить до этого момента, не попавшись хищникам или лесной нечисти. Хорош или плох для этого ручей? С одной стороны - мало ли кто может прийти к нему на водопой. С другой - Тилли тоже нужна вода. Вдоль ручья лучше обзор, чем просто в чаще, но это опять-таки работает в обе стороны. В то же время, перейдя через ручей или просто идя по воде, можно сбить преследователя со следа - пожалуй, надо посоветовать ей так и делать время от времени на всякий случай, мало ли кто в эту минуту может приохиваться к ее следам... Кроме того, ручей или река, чем черт не шутит, и в самом деле может вывести ее к людям. К какой-нибудь деревне. Еще до того, как Родгар до него доберется. Сняв тем самым с него ответственность за ее дальнейшую судьбу...

Родгар тут же устыдился малодушия этой мысли. Еще более малодушной, чем желание снять с шеи камень, чтобы не слышать мольбы тех, кому он *возможно* не сможет помочь: их участь легче не станет, но это будет уже не его вина... Тогда речь шла об абстрактных и гипотетических нуждающихся, сейчас - о совершенно конкретной девочке, которая верит ему и ждет его. Конечно, он все равно должен будет отдать ее в чужие руки, других вариантов нет. Но, по крайней мере, он сможет выбрать эти руки. И посулить их обладателям, что он будет периодически приезжать и проверять, хорошо ли они обращаются с девочкой. Да, пожалуй, это наилучший вариант. Хотя - не заявят ли ему в таком случае "тогда сам с ней и нянкайся, а нам чужие проверяльщики без надобности, и так из милости сироту в дом берем"? Можно, конечно, пообещать им денег... небольшую ежегодную сумму... но что тогда будет с Тилли, если однажды он, по тем или иным причинам, не сможет заплатить?

Впрочем, не торопит ли он опять события?

"Тилли, как твой живот?"

"Вроде лучше."

"Хорошо. Все же, на всякий случай, больше сегодня ничего не ешь."

"А ничего и нет", - это опять прозвучало не тоном жалобы, а тоном спокойной констатации.

В самом деле, не имея ни лука, ни даже удочки, не так-то просто прокормиться даже и в летнем лесу, где нет съедобных ягод и грибов... или, по крайней мере, неизвестно, какие из них съедобны. Впрочем, даже в худшем случае за пару дней она с голоду не умрет... "Что-нибудь найдешь завтра с утра", - тем не менее, подбодрил ее Родгар.

Дождь все лил, холодный и противный. Капли стучали по шлему и разбивались мелкими брызгами о наплечники, стекали по лицу, неприятно щекоча нос, и затекали за ворот. Периодически вспыхивали молнии, чей резкий свет, пробиваясь сквозь полог крон в вышине, на миг разрывал полумрак - но угрюмый пейзаж не становился от этого менее угрюмым. Одна молния ударила так близко, что от обрушившегося практически в то же мгновение оглушительного грохота вздрогнули и рыцарь, и его ко всему привычный боевой конь. Казалось, само небо раскалывается на куски прямо у них над головами. А затем, еще до того, как слух Родгара успел восстановиться, Ветер вдруг вздыбился, а затем сломя голову поскакал назад.

"Стой!" - Родгар, едва удержавшийся в седле при этом маневре, натянул поводья, думая, что оглушенный громом конь потерял голову от страха. Но Ветер, кажется, впервые не послушал хозяина. А в следующий миг уже и Родгар различил нарастающий треск и скрип, сверху посылались сломанные ветки, а затем земля содрогнулась от тяжелого удара. На то место,

откуда конь только что унес седока, рухнуло огромное дерево - давно уже подгнившее, а теперь окончательно добитое молнией.

- Спасибо, Ветер, - Родгар ласково провел рукой по мокрой холке. - Прости, что усомнился в тебе. Я чуть не разорвал тебе рот удилами, а ты просто старался меня спасти.

Наверное, я действительно плохой рыцарь, добавил он уже про себя. Да, я хорошо владею мечом, но разве меч решает все проблемы? Едва ли не чаще он их, наоборот, создает... Я самонадеянный дурак. Сперва отправившийся защищать Святую Веру, развязывающую войны во имя мира, истребляющую сотнями тысяч ради любви к ближнему и жгущую оппонентов на кострах ради божьего дара свободы воли. Потом - защищать этих крестьян, которые совершенно о том не просили и смотрят волками на непрошеного заступника. Теперь - пытающийся спасти одиноких несчастливцев, попавших в беду в этих лесах, но даже им раз за разом не способный помочь... за исключением одного-единственного, оказавшегося насильником и убийцей. Если бы я не вытащил его тогда из берлоги, как знать, может, и те девушки были бы теперь невредимы... может, их спутникам удалось бы отбиться от остальных разбойников... И вот теперь - даже собственный конь умнее меня. И даже ему я причинил боль, которую он не заслужил...

Упавшее дерево преградило путь, и оно было слишком толстым, чтобы через него прыгать (особенно в такую погоду, когда коню легко поскользнуться, отталкиваясь), так что Родгар поехал в объезд. Впрочем, лишние полсотни ярдов - ничтожная, ничего не решающая задержка...

Почему так получается, думал он под шелест дождя, почему благие намерения всегда заканчиваются так? Дело в устройстве мироздания, в порочности человечества или все-таки во мне самом? Хотя, конечно, кто сказал, что одно исключает другое... Может быть, его проблема в том, что он оперирует слишком абстрактными категориями. Будучи сам всего лишь человеком, пытается наставить на путь истинный целые страны и народы (а здешних переселенцев, хоть они или их родители и прибыли с его родины, по сути уже можно считать отдельным народом, и король еще хлебнет горя, пытаясь вновь, не формально, а фактически, вернуть их под свою руку...). И даже те, кого он пытается спасти с тех пор, как получил амулет, для него лишь общая категория "попавшие в беду" - поможешь одному, ступай, не задерживаясь и не оглядываясь, к другому... А может, одному человеку не следует пытаться исправить человечество или спасти какие-то большие группы людей? Не потому, что они в этом не нуждаются, а потому, что это в принципе неподъемная задача. Может быть, лучшее, что может сделать человек - это не пытаться облагодетельствовать весь мир, а сосредоточить усилия на другом человеке? Одним. Конкретном. И если бы так поступали все, это и было бы наилучшим... впрочем, он опять идет по порочному пути чрезмерных обобщений. Не надо думать обо "всех". Нет никаких "всех" - безликих, одинаковых, заслуживающих общего чувства, будь то хоть любовь, хоть ненависть...

"Тилли, как ты?" - мысленно позвал он. Но на сей раз девочка не ответила. Однако от камня на груди Родгара по-прежнему исходило ровное, спокойное тепло. Должно быть, Тилли просто уснула, намаявшись за день. Он не стал ее будить.

Гроза, наконец, уползла на северо-запад - туда же, куда стремился он сам (забавно - люди говорят о тучах, что они ползут, хотя на самом деле они движутся куда быстрее людей). В лесу, однако, становилось все темнее - солнце уже зашло. Тем не менее, Родгар продолжал ехать сквозь сырую и холодную древнюю чащу в надежде добраться до мест, более подходящих для ночлега. Здесь, где на земле не было ничего, кроме гниющих листьев и не менее гнилых обомшелых коряг, невозможно было отыскать пищу ни для коня, ни для костра.

Уже совсем стемнело, а под копытами все так же чавкала скользкая грязь без единой травинки, и Родгар почти смирился с мыслью, что заночевать придется все-таки в этих скверных местах. Но "почти" не означало "совсем". Он спешил, но не для того, чтобы остановиться, а чтобы продолжить путь пешком, облегчая жизнь усталому Ветру. В темноте конь в любом случае мог идти лишь неспешным шагом.

Так они, человек и конь, шагали рядом еще около часа, прежде чем их усилия были, наконец, вознаграждены - под ногами зашуршала сырая трава, а вскоре появился подлесок, пожалуй, даже слишком густой и способный замедлить продвижение даже днем - впрочем, что и когда в этом мире бывает к месту и в меру? Родгар, наконец, сделал привал. Ветки кустарника, которые он наломал для костра, все еще были мокрыми и упорно не хотели гореть, но Родгар оказался упорнее, чем они. Наконец трещащий и дымящий белым дымом костерок разгорелся; Родгар, прикрывший его с боков от потенциальных недобрых глаз, снял доспехи и принялся сушить сырую от дождя и пота одежду. Потом, съев очередной кусок окорока, он снова нехотя надел на себя все это железо - в случае внезапной тревоги заниматься этим будет некогда - и полез в спальный мешок.

Проснулся он незадолго до рассвета, как и велел себе. На сей раз тумана не было, хотя на траве и листьях кустов повсюду блестели крупные капли росы. Ветер невозмутимо похрустывал зелеными стебельками, доходившими ему до колен.

"С добрым утром, Родгар!" - звонкий голосок прозвучал так отчетливо, словно он услышал его ушами, а не внутри головы.

"И тебя, Тилли. Ты знала, что я уже не сплю?"

"Я почувствовала, что ты проснулся."

Да, подумал он, по-видимому, чем дольше находишься в контакте, тем больше растет чувствительность. Причем у нее быстрее, чем у него. Может, потому, что она моложе... или же потому, что - если верить слухам - женщины вообще восприимчивей к магии, чем мужчины.

"А ты тоже ранняя пташка", - ответил он.

"Долго спать скучно, - безмятежно ответила Тилли. - Я вообще люблю утро. Оно... словно обещание чего-то хорошего. Конечно, может, ничего хорошего и не случится. Может, случится плохое. Но утром ты об этом еще не знаешь и можешь мечтать."

"Очень философски, - усмехнулся Родгар, хотя едва ли дочка крестьян когда-либо слышала такое слово. - Как твой живот?"

"Все давно прошло. Я уже позавтракала."

"Чем? Рыбой?"

"Нет, рыбешка в ручье слишком мелкая. Поймала пару лягушек."

"Хмм..."

"Что? На твоей родине их не едят?"

"На моей - нет, - твердо заявил Родгар. - Хотя в юго-западных графствах едят и даже считают деликатесом. Поэтому тамошних жителей дразнят лягушатниками."

"Ну и дураки. В смысле те, кто дразнит. Они же вкусные."

"Ну, если ты так говоришь..." - протянул Родгар с сомнением. Не из этих ли южных графств родом ее родители? Или они освоили лягушачью диету уже в здешних краях? Впрочем, не стоит из пустого любопытства расспрашивать об этом девочку, лишний раз напоминая ей о ее утрате.

Перекусив более привычной для себя едой, он поехал дальше. Солнце поднималось; в этой, более молодой части леса оно просвечивало кроны во множестве мест и быстро высушило росу. Бодрящая утренняя свежесть вскоре превратилась в плотное тепло, не слишком приятное для рыцаря в полном вооружении, а затем и в жару, которой не было накануне. Впрочем, по сравнению с тем, что Родгару приходилось переносить в юго-восточных пустынях, это была ерунда. Там им приходилось прикрывать латы широкими плащами и повязывать на шлемы перенятые у туземцев большие головные платки, что смотрелось довольно нелепо, но иначе они бы изжарились заживо в раскалившихся на солнце доспехах. И даже при всех этих мерах высшим наслаждением было, добравшись до оазиса, вылить на себя пару ведер воды...

Нет, здесь, конечно, было не настолько жарко. Все-таки север и лес. Но то, чего зной не добирал по силе, он с лихвой компенсировал за счет духоты. Поначалу Родгар относил эту

духоту за счет испарений. Вокруг было слишком много зелени. В воздухе даже начала образовываться некая дымка, которой не было ни утром, ни в это же время накануне. Даже когда Ветер начал проявлять признаки беспокойства, он все еще не понимал, в чем дело. Хотя на всякий случай потянул меч из ножен - и почти тут же впереди послышался приближающийся треск, и какие-то крупные тени замелькали между деревьями. Родгар остановил коня и обнажил клинок.

Прямо на него, чуть не столкнувшись с шарахнувшимся в сторону Ветром, вылетел из чащи здоровенный лось с ветвистыми рогами. За ним мчались две безрогие самки поменьше и, несколько отстав от них, лосенок. Не обращая на конного рыцаря с мечом никакого внимания, они грузно пронеслись мимо и умчались дальше, взрывая копытами землю и с хрустом ломая тонкие ветви и стебли подлеска. Ветер предостерегающе заржал, и Родгар, проводивший взглядом лосей, вновь поспешно обернулся туда, откуда они прискакали.

Оттуда вновь что-то надвигалось - что-то, тревожившее Ветра куда больше, чем лоси. Лишь вышколенность боевого коня, приученного повиноваться хозяину даже в самых опасных ситуациях, заставила его остаться на месте. Родгар всматривался в чащу. Возможно, еще не поздно было обратиться в бегство следом за лосями, но он предпочитал встречать опасность лицом к лицу.

Это оказались волки. Целая стая во главе с матерым вожаком, способная представлять серьезную угрозу если не для защищенного доспехами всадника, то уж для его коня точно. Но и они промчались слева и справа от испуганно вздрагивавшего Ветра, словно выпущенные из катапульты тяжелые серые снаряды, не предприняв никакой попытки атаковать. И вовсе не потому, что гнались за лосями и не желали отвлекаться на другую добычу.

Родгар, наконец, понял, что к странной мути, висящей в воздухе между деревьями в середине ясного дня, примешивается слабый запах гари.

Пожар. Лесной пожар. Должно быть, где-то там, куда ушла гроза, противоборство между молнией и дождем разрешилось в пользу огня. Или же всему виной поселенцы, предпочитающие выжечь лес под новое поле, нежели рубить и корчевать деревья; обычно они стремятся держать огонь под контролем, но не всегда у них это получается... Сейчас не важно, что стало причиной. Важно, что делать!

"Тилли!!!"

"Что случилось?" - она явно была испугана тем, как он рывкнул. Оказывается, рывкнуть можно и мысленно.

"В лесу пожар! Ты замечаешь какие-нибудь признаки? Дым, запах, бегущие животные?"

"Нет... тут все спокойно. А у тебя..."

"У меня все это уже есть. Огонь, видимо, между мной и тобой. И, похоже, ветер гонит его в мою сторону. Но это не значит, что он не может распространяться и в твою тоже. Перво-наперво, не иди больше мне навстречу. Иди обратно. Хотя... этот твой ручей, он широкий?"

"Не очень. Шага четыре... моих, или три, если взрослых."

"И глубина, конечно, не больше чем по колено."

"Намного мельче. Это же ручей, а не река."

"А деревья? Они близко подходят к воде?"

"По-разному, но вообще довольно близко."

"Но их ветки хотя бы не смыкаются над ручьем?"

"Кое-где, но в основном нет."

"Хорошо. Значит, все-таки можно лечь в воду там, где на тебя не будут сыпаться горящие сучья. И еще нужно, чтобы из воды не росла никакая трава. Никаких тростников, рогоза и прочего. Ручей по-прежнему течет на юго-восток?"

"Немного петляет, но не очень сильно."

"Лучше бы, конечно, сильно петлял. А так огонь, вероятно, будет распространяться по

обоим берегам... Хотя может, конечно, он в твою сторону и не пойдет. Надеюсь, что нет. Но если все-таки..."

"Родгар, - сказала Тилли почти извиняющимся тоном, - я думаю, мне все-таки стоит идти вперед. Если ручей приведет меня к реке или озеру, это будет лучше, верно? А если нет, лечь в воду я могу в любом месте. Ну, где нет тростника."

"Хмм... вообще-то логично, - признал Родгар. - Но только смотри, куда идешь. Не лезь в чащу, если она будет становиться гуще. Наоборот, тебе нужно максимально открытое место. Такое, где тебя не достанет ни одно дерево, даже если упадет. Если найдешь такое - там и оставайся, не ищи больше реку или озеро."

"Ладно. А ты-то как же? Тебе есть, где укрыться?"

"Обо мне не беспокойся. Все будет хорошо, Тилли. Я обещал."

Да уж. Легко сказать.

Но он - не животное, чтобы удирать в панике. Он все обдумает. Хладнокровие - добродетель воина.

Если пожар распространяется по низу, у него еще есть время развернуться и ускакать. Вот только как далеко? Он не видел ни одного рубежа, способного остановить распространение пламени (мелкие ручейки не в счет), с тех самых пор, как свернул с дороги и погнался за разбойниками. Ветер не сможет столько проскакать без отдыха. А если пожар верховой, то о спасении бегством нечего и мечтать.

И кроме того, Тилли... даже если ему удастся ускакать, это будет прочь от нее, и даже в наилучшем случае он потеряет еще пару дней минимум. А ей грозит теперь не только огонь... от которого, впрочем, Родгар не в состоянии ее защитить - хотя на коне у нее все же будет больше шансов, чем пешком. Тем более что она ведь наверняка босая - если у нее и была летняя обувь (что у крестьянских детей - большая редкость), надевать таковую во время ночного нападения нечисти на деревню было некогда. И, стало быть, любая полоса тлеющей травы или горячего пепла, которая для Ветра, в принципе, не препятствие...

Но, допустим, ручей защитит ее от огня, или даже она выйдет к более крупному водоему. Проблема в том, что к этому же водоему, спасаясь от пожара, могут выйти и *другие*. И даже если это будут *просто* волки - хорошего мало. Во время бегства они не думают о нападениях, но как только почувствуют себя в безопасности...

А лесная нечисть, возможно, не признает "перемирий" даже и на время бегства. Увидел человека - убей.

Ладно, какие у него варианты, кроме бегства? Идеально было бы найти поляну побольше и переждать пожар там. Пусть даже густо заросшую травой, как все в той части леса, где он ехал теперь (вот когда не надо, так ее полно!) - он сам бы выжег эту траву и оказался бы в безопасности ко времени прихода большого огня. Но, как на грех, он давно не проезжал через такие поляны. Может быть, конечно, поляна еще попадется впереди до того, как он встретится с наступающей стеной пламени, но закладываться на это не стоит.

Можно было бы закопаться в землю, сделав из нее бруствер вокруг, так, чтобы наружу выглядывало одно лицо, накрытое мокрой тряпкой - наверное, он успел бы. Сырой грунт защитит от жара, а тряпка от дыма (если только прямо на него не рухнет горящее дерево или крупный сук). Будь он один, он бы так и сделал. Но он не сможет вырыть убежище еще и для Ветра.

И выходит, что единственный вариант - это идти на прорыв. Скакать что есть мочи прямо сквозь огненный фронт - туда, где пламя уже отбушевало. Там тоже жарко и почти нечем дышать, но все-таки не так, как непосредственно на линии огня.

Родгар не сомневался, что Ветер не подведет его и поскачет в пламя вопреки собственным инстинктам - он был боевым конем, натренированным в том числе и на это. На войне приходится преодолевать горящие укрепления и даже целые охваченные огнем кварталы...

Но нужно было - пока еще оставалось время, судя по усиливавшемуся запаху гари, небольшое - максимально позаботиться о защите себя и коня.

Родгар спрыгнул на землю и поспешно развязал седельные сумки. Из одной достал плащ, тот, что спасал его от зноя в пустыне, из второй - небольшую лопату. Короткая ручка делала ее не самым удобным орудием, но он принялся копать с такой яростью, что любой простолюдин обзавидовался бы, глядя, как орудует лопатой графский сын. Верхний слой почвы был лишь слегка влажным, но в глубине земля еще хранила воду вчерашнего дождя. Как только на дне ямы стали собираться мутные лужицы, Родгар швырнул свой некогда роскошный, теперь уже - изрядно выгоревший, но все еще добротный плащ туда и принялся остервенело топтать его, словно поверженного злейшего врага. Когда тот стал целиком бурым от грязи и мокрым насквозь, Родгар надел непривычно потяжелевший плащ поверх доспехов. Затем он достал свой спальный мешок и располосовал его по всей длине, после чего проделал с ним то же, что и с плащом. Расседлав Ветра, Родгар накрыл его этим подобием попоны - все же, впрочем, слишком куцым, чтобы укрыть тело могучего коня целиком. Черпая полужидкую грязь обеими руками, Родгар вымазал ею Ветра с ног до головы там, куда не доставала "попона", а на морду ему повязал запасную рубашку, так же вымоченную в воде и прикрывшую рот и ноздри. Конь фыркнул от такого издевательства, но и здесь подчинился хозяину. Убедившись, что он освоил дыхание через мокрую тряпку, Родгар вновь оседлал его, а затем вымазал грязью и завязал мокрым платком собственное лицо. Он закончил как раз вовремя - треск огня уже был слышен, его отсветы мелькали впереди между деревьями, и оттуда накатывал сухой и едкий жар. Конь хотя и стоял на месте, видя и чувствуя все это, но проявлял все больше беспокойства. "Воля твоя, но ты угробишь нас обоих", - казалось, читалось в его больших коричневых глазах, где уже отражались отблески пламени.

- Я знаю, что тебе это не нравится, Ветер, - сказал Родгар, на миг обхватив рукой его морду и притянув ее к собственной груди, - но одна маленькая девочка там, по ту сторону огня, очень нуждается в нашей помощи. Так что ты уж постарайся.

Он как мог быстро взобрался в седло и вонзил шпоры в когда-то белые, а теперь - бурые бока. Обычно Родгар старался не причинять боли своему коню, но сейчас ему нужно было от Ветра все, на что тот способен.

Ветер сорвался с места и помчался навстречу стене огня.

В первый момент показалось, что это не так уж и страшно. Да, под ногами коня горела трава, вспыхивали раскаленными жилками ветви кустов, пламя облизывало черные стволы деревьев, сверху, кружась и распадаясь в воздухе, падали и вновь взмывали, уносимые током воздуха, горящие листья - но холодная грязь не давала ощутить силу окружающего жара, и вся эта жуткая картина вокруг казалась почти ненастоящей. Дышать, правда, было неприятно даже сквозь мокрую тряпку. Родгар закашлялся и рефлекторно еще пришпорил коня. Но Ветра не нужно было подгонять, он и так мчался во весь опор - пылающая трава жалила его ноги выше копыт. Родгар понимал это, но надеялся, что этот участок они преодолечат быстро - ведь трава сгорает скоро.

Действительно, трава и подлесок вскоре сменились сплошным черно-серым ковром горячего пепла, взвивавшегося из-под копыт Ветра. Но деревья, слишком большие, чтобы прогореть за короткий срок, по-прежнему пылали вокруг повсюду, куда мог достать взгляд. Хуже того - они, кажется, становились гуще. Когда Родгар осознал, что это не иллюзия, искать обходные пути было поздно. В подобной смертельно опасной ситуации, как он хорошо знал по урокам войны, самое худшее - это начать метаться. Единственная надежда в том, чтобы твердо следовать одному принятому плану и надеяться на то, что он все-таки приведет к спасению - без всякой, разумеется, гарантии, что это и в самом деле будет так. Но повернуть в огне, скакать не навстречу фронту пожара, а параллельно ему или назад вместе с ним - это верная смерть. Значит - только вперед, как бы тесно ни смыкались горящие стволы вокруг двух существ, все еще

неуместно живых в оранжево-черном аду.

Быстро высыхающая грязь стягивала кожу, и теперь Родгар уже ясно чувствовал пышущий со всех сторон жар. Ветру все чаще приходилось перепрыгивать через поваленные горящие стволы и крупные сучья; искры летели из-под копыт, но их треска не было слышно за общим тяжелым гулом пламени. Родгару оставалось лишь надеяться, что конь не споткнется и не повредит ногу, что стало бы смертным приговором им обоим. Одна горящая ветка упала прямо на голову Ветра и, переломившись, полетела дальше на землю; к счастью, она не была большой и тяжелой, и конь лишь раздраженно дернул ушами. Родгар еле успел пригнуться, пропуская над собой другой пылающий сук, куда более крупный. Ветер вдруг заржал и пошел каким-то странным взбрыкивающим аллюром, словно пытаясь сбросить с себя что-то и одновременно развернуться влево; Родгар повернул голову в ту же сторону и с ужасом увидел, что край его плаща, просохшего быстрее, чем он надеялся, горит и обжигает бок коня. Рывком распустив завязки, рыцарь сбросил плащ на землю. Возможно, более разумным решением было бы отрезать горящую полу, но эта мысль пришла в голову Родгару, когда было уже слишком поздно. Теперь он остался посреди охваченного огнем леса в металлических латах с перспективой испечься в них заживо, если быстро не найдет выход.

Но выхода не было - во все стороны, насколько хватало глаз, простиралась все та же пылающая чаща. Родгар быстро почувствовал обжигающий жар доспехов, созданных, чтобы защитить его тело, но ныне превратившихся для него в орудие пытки. Сумеет ли он снять их на скаку? Вдобавок и дышать становилось все труднее - платок, хотя и смачиваемый его потом, тоже практически высох, в носу и горле отчаянно першило. Как еще держится Ветер...

Родгар сбросил на землю латные перчатки, затем - наручи; от этой части доспехов избавиться было проще всего. Вытер слезящиеся глаза свободной рукой - и вдруг заметил краем глаза какой-то просвет справа, насколько, конечно, уместно говорить о просвете среди пламени. Неужели наконец-то поляна?!

Родгар направил Ветра туда. Увы - его надежды оправдались лишь отчасти. Это действительно оказалась поляна, но совсем крохотная. Здесь можно было остановиться на короткое время, но нечего было и думать пережить здесь пожар до конца, до тех пор, пока не прогорят могучие деревья вокруг.

Родгар натянул поводья, вполне готовый к тому, что ополоумевший от боли ожогов конь на сей раз не станет его слушать. Но Ветер, тяжело и хрипло дыша сквозь высушенную жаром рубашку, остановился на середине поляны.

Рыцарь тяжело спрыгнул на землю (точнее, в черную золу, которая сразу же начала жечь его ноги даже сквозь сапоги) и принялся поспешно избавляться от оставшихся доспехов. Полный латный доспех, тем более такого качества, какое мог позволить себе графский сын, стоил целое состояние - в родных краях Родгара на такие деньги можно было купить целую деревню со всеми ее домами, скотом, птицей и урожаем на два года вперед. И все это он собирался бросить посреди горящего леса. Но другого выхода теперь не было. Мертвецам не нужны ни деревни, ни латы.

Покончив с доспехами, Родгар бегло осмотрел коня, который не мог стоять смирно и страдальчески переступал ногами на месте. Грязь почти везде отвалилась, но ходившие ходуном бока были мокрыми от пота, и это отчасти защищало Ветра. Хотя и недостаточно: Родгар увидел следы ожогов и на боках там, куда не доставала импровизированная попона, и на ногах. Родгар вытащил обе фляги и смочил сперва рубашку на морде Ветра, потом - "попону". На это ушла вся вода; для самого себя у Родгара не осталось ни капли. Но кое-какой ресурс, чтобы вновь смочить платок на лице, у него еще оставался. Развязав тесемку у пояса, рыцарь спустил штаны. Эх, сказал бы ему кто-нибудь пару лет назад, что ему, старшему сыну одного из самых знатных дворян королевства, придется закрывать нос и рот тряпкой, пропитанной собственной мочой...

"Родгар!"

Он едва сдержался, чтобы не рявкнуть в ответ: "Потом! Не до тебя!" Может быть, и у Тилли ситуация тоже резко ухудшилась? Хотя, конечно, чем он может сейчас ей...

"У тебя... плохо?" - спросила она. Проклятье, опять она чувствовала его лучше, чем ему бы хотелось.

"Не очень хорошо", - осклабился Родгар, тщетно всматриваясь в бушующее вокруг поляны пламя в поисках хоть какой-то дороги к спасению. Вспомнилось, что первый, кого он хотел спасти, погиб в огне. Неужели последняя попытка спасения обернется тем же для него самого?

"Я залезла на дерево", - сообщила девочка.

"Плохая идея, - немедленноотреагировал Родгар. - Если придет огонь, ты не просто не спасешься, но и можешь не успеть слезть..."

"Не придет. Он далеко. Это большое дерево. Я специально залезла, чтобы посмотреть. С него виден лес до самого горизонта."

До горизонта? То есть оно выше большинства деревьев в этом лесу? Это же по меньшей мере ярдов тридцать!

"Тилли, слезай оттуда! Ты свалишься!"

"Не свалюсь. Тем более что я уже спустилась. Я видела пожар на юго-востоке. Он большой. Но я видела и реку между мной и огнем. Кажется, это та самая, где я пряталась позавчера. Она делает большой крюк по лесу и снова приходит сюда. Ручей впадает в нее, а она - в озеро. Огонь не перейдет через всю эту воду. Не говоря о том, что, судя по дыму, ветер несет его в другую сторону."

"Хорошо", - откликнулся Родгар. Хоть что-то хорошо...

"А ты? Огонь уже вокруг тебя?"

"Да", - признал он.

"И ты по-прежнему на юго-востоке от меня?"

Он на миг прикрыл глаза и плотнее прижал камень к груди. В горящем лесу он не мог определить стороны света, но если девочка все это время оставалась примерно на одном азимуте...

"Чуть больше на восток, чем на юг, но в целом да"

"Тебе надо взять еще к востоку. Тогда ты выберешься к озеру. Это самый короткий путь из пожара."

Да кто из нас кого спасает, подумал Родгар, а "вслух" спросил: "Как далеко к востоку?" - и тут же понял, что это был глупый вопрос. Он что, ожидает, что крестьянская девчонка выдаст ему азимут с точностью до градуса? И что он сам сможет выдержать эти самые градусы на глазок - скача через горящий лес, не имея возможности выбирать ориентиры?

Тилли, разумеется, замешкалась. Само собой, она не только никогда не слышала о градусах и румбах, но и считать-то едва ли умела. Что такое "половина", ей еще понятно, а вот восьмая или шестнадцатая часть круга - уже темный лес...

"Я... покажу, - ответила наконец она. - Я буду бежать в ту сторону. А ты целься не прямо в меня, а сначала бери правее."

"Хорошая идея, Тилли!" Упреждение, конечно, надо брать побольше - с какой скоростью может бежать девятилетняя девочка? К тому же до нее еще больше дюжины миль...

Родгар взобрался в седло (заставив Ветра вздрогнуть от боли), а затем, помедлив мгновение, решительно выпотрошил на землю седельные сумки. К черту все, коню надо максимально облегчить нагрузку! Меч - это почти единственное, что он не мог бросить. Меч ему еще понадобится...

И они - конь и человек - снова помчались через горящий лес. Языки пламени тянулись к ним слева и справа от обугленных стволов, сверху сыпались горящие ветки и листья. Иногда в лесу рушилось очередное дерево, но, к счастью, всякий раз на безопасном от них расстоянии. В

какой-то момент Родгар понял, что Тилли смещается вправо быстрее, чем он ожидал.

"Ты бежишь вдоль ручья?" - уточнил он.

"Нет, я же говорю, он петляет, и река тоже, - если бы она говорила вслух, то, наверное, запыхалась бы, но при мысленном общении это не было заметно. - К тому же там земля мягкая, бежать неудобно. Я бегу напрямую через сосновый бор."

"Надеюсь, по ту сторону реки от огня?"

"Нет, по эту. Я перешла реку в мелком месте."

"Тилли! Это очень опасно! Сосновый бор отлично горит!"

"Да я же говорю - огонь далеко, и ветер в другую сторону!"

"А если ветер переменится, ты и охнуть не успеешь, как все вокруг будет в огне! Знаешь, с какой скоростью распространяется верховой пожар по кронам сосен? Быстрее самой быстрой птицы!"

"Родгар, - вновь изрекла она взрослым тоном. - Пока что это ты в огне, а не я. Так что просто делай, как я сказала, ладно?"

"Слушаюсь, командир", - усмехнулся он. Возможно, ей, осмотревшей все сверху, и в самом деле виднее... а он был не в том состоянии, чтобы настаивать.

Рубашка раздувалась и опадала на морде тяжело дышавшего Ветра. Кажется, она снова высохла, и коню не хватало воздуха. Скакун, подгоняемый болью и страхом, все еще держал темп, но Родгар чувствовал, что он мчится из последних сил. Еще, может быть, милю или того меньше, а дальше он просто рухнет в горячий пепел... Что ж - тогда настанет черед бежать самого Родгара. Сколько сможет пробежать по горящему лесу он сам?

Слева с грохотом рухнуло очередное дерево - на этот раз ближе, чем все предыдущие. Долетевшая искра ужалила Родгара в щеку даже сквозь тряпку. Он невольно скосил глаза - и увидел за черными обугленными стволами просвет. На сей раз - не какую-то жалкую полянку. По-настоящему *большой* просвет. И... кажется, сквозь дым и адское пекло оттуда тянуло божественной прохладой.

Если только это не предсмертная галлюцинация в отравленном гарью мозгу, то это озеро. Похоже, он забрал слишком сильно вправо - шустрая девчонка определенно оказалась лучшей бегуньей, чем он рассчитывал, беря упреждение.

Родгар потянул левый повод, но Ветер, похоже, и сам уже почуял спасение и помчался туда без дополнительных понуканий. Еще пара минут неистовой скачки - и они вылетели на берег.

Озеро было длинным и узким, выгибаясь наподобие полуподковы с юга на запад. Родгар выехал к южному его концу (точнее - на восточный берег чуть северней такового); западного он не видел за горящим на другом берегу лесом и дымом, но даже часть озера, что была доступна его взгляду, протянулась по меньшей мере на три мили. Это было единственное, что он успел оценить, прежде чем бросил меч на покрытый пеплом сгоревшей травы берег и направил Ветра прямо в воду.

Конь с явным удовольствием зашел в озеро по шею; Родгар перекинул ногу через седло и сам соскользнул в воду, оказавшуюся, несмотря на лето, обжигающе холодной (обычное дело для этих мест). Впрочем, сейчас это было именно то, в чем он нуждался. Первым делом Родгар освободил от рубашки коня (тот сразу принялся жадно пить), затем сорвал вонючую тряпку с собственного лица и склонился к воде, зачерпывая полные пригоршни. В зеленоватой воде заколыхалось его отражение, и хотя Родгар не различил деталей, он заметил, что вся верхняя часть его лица, которая не была закрыта платком, черная от сажи. В следующий миг он уже яростно умывался, плеща холодной водой в лицо и на голову, жадно глотая воду прямо из озера, как Ветер, и снова растирая мокрое лицо. Ощущение под пальцами было не совсем привычным, и Родгар не сразу понял, в чем дело: он остался без бровей, они полностью сгорели. Волосы тоже пострадали, хотя и не так сильно.

"Тилли, - вспомнил он, - не надо больше бежать, я уже у озера."

"Хорошо, - тут же откликнулась она. - По правде, я уже почти выдохлась. Никогда так быстро не бегала, кроме разве..."

Она не закончила, но он прекрасно понял, что она имела в виду: позапрошлую ночь, когда она убегала от чудовищ, оставляя позади труп отца и умирающую в когтях монстров мать.

"Спасибо тебе, - поспешно произнес мысленно он. - Если бы не ты, не уверен, что я дожил бы до сегодняшнего вечера. А теперь... ты ведь еще не у озера?"

"Нет, оно слишком далеко. Я только пыталась показать тебе направление."

"Тогда возвращайся пока к реке. Так безопаснее."

"Ладно, - откликнулась Тилли без особого энтузиазма. - Значит, сегодня мы еще не увидимся?"

"Посмотрим. Мне надо немного передохнуть, - вымученно улыбнулся Родгар. - И тут на берегу все еще горит лес. Мне бы хотелось дождаться, пока он потухнет. Но, может быть, к ночи я все-таки доберусь до тебя. Зависит от того, насколько хорошая дорога вдоль берега."

Родгар вытащил из неестественно отощавших седельных сумок обе пустые фляги и с бульканьем погрузил их в воду. Это правило въедается в плоть и кровь каждого, кто воевал в пустыне: всегда имей при себе минимум два сосуда для воды (и, желательно, храни их отдельно друг от друга) и всегда наполняй их доверху сразу, как только видишь воду. Неважно, что ты на берегу озера и дальше собираешься ехать вдоль него же - так что, вроде как, неограниченное количество воды никуда от тебя не денется. Неважно, если вода не очень хорошего качества (а мутная озерная вода со слабым, но различимым тинистым запахом определенно уступала родниковой). Если запас не пригодится, в этом нет ничего страшного. Если потом найдешь хорошую воду, вылить плохую никогда не поздно. А вот если не найдешь...

Заполнив фляги, он торопливо выбрался на берег: холод, столь приятный в первый момент, теперь уже пробирал до костей. В мокрой одежде и обуви было неприятно, но идти сушиться ко все еще горящим деревьям Родгар не собирался. Непосредственно на берегу воздух лишь слегка отдавал гарью и был вполне пригоден для дыхания, поскольку холодный ток с озера струился в сторону горящего леса и относил дым прочь, но вот если подойти к огню вплотную... Родгар прекрасно помнил, каково там. К тому же он уже начал чувствовать боль в обожженном лице. Серьезных ожогов не было, в этом он уже успел убедиться, но всякое лишнее тепло ему сейчас не доставит удовольствия. Впрочем, еще одним предметом, который он не выбросил из сумки, был сверток с медицинскими снадобьями, включавшими бинты, мазь для заживления ран и мазь от ожогов. Однако его собственный лоб и уши подождут. Сначала надлежало заняться Ветром, которому досталось серьезнее.

Родгар позвал коня. Тот неторопливо вышел из воды (Ветер прекрасно понимал по хозяйской интонации, когда нужно исполнять приказ без промедления, а когда никакой спешки нет). Родгар внимательно осмотрел его. Ноги до колен пострадали больше всего; рыцарь смазал их мазью и перевязал. Ветер стойчески выдержал процедуру, хотя, несомненно, каждое прикосновение причиняло ему боль. Туловище и шея пострадали меньше, хотя розовые проплешины сгоревшей шерсти и выглядели жутковато. Родгар обработал и их тоже, истратив таким образом всю мазь и ничего не оставив для себя. Ничего, под южным солнцем случалось обгорать и посерьезнее.

Пожар, наконец, догорел. На черных обугленных стволах и на земле между ними еще тлели отдельные угольки, но открытого огня больше не было. Родгар, ведя коня в поводу - Ветер заслужил отдых - пошел вдоль берега на север. Прошагав около двух миль, они, наконец, достигли северной границы пожарища. Этой границей оказалась река; в первый момент Родгар подумал, что это та самая, о которой говорила Тилли, но вскоре убедился, что она не втекает, а вытекает из озера, направляясь на восток. Река же Тилли, видимо, впадала в озеро где-то у его северо-западной оконечности.

Перебравшись через реку вброд, они, наконец, оказались на нетронутой огнем территории. Ветер тут же занялся сочной травой, росшей на берегу, а Родгар, прямо в мокрой одежде, растянулся среди той же травы, глядя в синее летнее небо с редкими белыми облачками - здесь оно было чистым, мутно-серую дымку, еще висевшую над пожарищем, ветер сносил к югу. Итак, он остался цел, но лишился почти всего своего имущества, не считая коня, меча и монет в кошеле на поясе. Но на новый доспех того же качества этих денег не хватит, да и некому такой здесь изготовить. Можно, конечно, попробовать отыскать брошенные латы на пепелище, когда оно окончательно остынет и проветрится, но шансов снова наткнуться на то место практически нет - скорее он дождет, что какое-нибудь из превратившихся в гигантские головешки деревьев рухнет ему на голову... А может, это знак судьбы? Знак, что с рыцарскими подвигами пора кончать? Кому он принес добро в этом качестве - хоть в составе королевской армии, хоть в качестве странствующего одиночки? Если называть вещи своими именами, любой рыцарь - это профессиональный убийца, слава и доблесть которого измеряются количеством крови на его руках... Он никогда не задумывался об этом прежде. Его с детства учили, что быть воином - это высшее предназначение мужчины и аристократа. Не то чтобы, конечно, *вся* проливаемая его сословием кровь была безвинной, и недавно зарубленные Родгаром разбойники - наглядный пример. Но чего стоит мир, где всех, кто занят созиданием - выращивает хлеб, разводит скот, строит дома, тклет и шьет одежду и так далее - принято презирать, как ничтожных простолюдинов, а заправляет всем и почитается превыше всех каста разрушителей и убийц? Где именно мораль этой касты ассоциируется со словом "честь", а созидателей именуют "подлым народом"?

Может быть, действительно пора бросить это все. Поставить дом в этих краях... не замок, а простой бревенчатый дом - придется, конечно, обратиться за помощью к местным, его ведь не учили строить, он умеет орудовать топором только в бою, но если он придет к ним не как лорд, не как потенциальный вождь, жаждущий сделать из них солдат и поставить под свое командование, а как простой поселенец, равный - к равным, то они помогут... Но поселиться все же не с ними, он никогда не станет для них своим, а отдельно, где-нибудь на берегу реки или озера. Не быть ни господином, ни холопом, ни членом общины, не зависеть ни от дворянских, ни от крестьянских предрассудков о сословиях, долге, обетах, вере, патриотизме и прочей чепухе. Просто ставить силки в лесу, ловить рыбу (а может, даже и лягушек - что, если это и в самом деле деликатес?). И спокойно жить. Вместе с Тилли. А если лесная нечисть или кто еще попробует сунуться - его меч защитит их обоих.

Ему представлялись мирные картины этой жизни. Они весело болтают, как когда-то с Сандрой. Тилли бежит по весеннему лугу, и в волосах у нее желтые полевые цветы (интересно, какие у нее волосы - светлые или темные?) Они сидят на берегу и смотрят на летний закат. Гуляют по осеннему лесу, и она собирает огненно-красные, желтые и оранжевые листья. В сверкающий зимний полдень скатывается с пригорка на санках, которые он смастерит для нее (уж это-то он сумеет?), опрокидывается в снег, поднимается, раскрасневшаяся, хохочущая... А потом они сидят у потрескивающего очага зимним вечером, и пусть на улице мороз, но в доме тепло и уютно, и он рассказывает ей... рассказывает... о далеких странах и путешествиях.. но, конечно, без всяких ужасов войны... "Родгар", - перебивает его Тилли. "Что?"

"Родгар!"

Он резко открыл глаза и увидел предвечернее небо над головой. Должно быть, он проспал, по меньшей мере, часа три. Плохо, он не собирался терять столько времени. Строго говоря, он вообще не планировал спать - потому и не дал себе установку проснуться вовремя; он хотел лишь поваляться полчаса и продолжить путь...

Что стряслось у Тилли?! Впрочем, ее голос звучал хоть и настойчиво, но, кажется, не встревоженно. Скорее, напротив, радостно.

"Разбудила? Извини. Родгар, я встретила наших!"

"Наших? - он не сразу сообразил спросонья. - Ты имеешь в виду - других выживших из твоего селения?"

Ну вот, кажется, и конец его нелепым фантазиям. О девочке есть, кому позаботиться, и теперь, когда большинство их односельчан погибло, они будут ценить каждого выжившего...

"Нет, не из моего, - голос Тилли помрачнел. - Из моего не уцелел никто, кроме меня. Из другого. Их селение тоже уничтожили чудовища, еще раньше. Но кое-кому удалось спастись. В основном тем, кого не было дома. Чудовища пришли ночью, они всегда нападают ночью... (Да, Родгар знал это.) Но двое мальчиков заблудились в лесу, и отец одного и старшие братья другого отправились их искать. Дедушка-знахарь отправился в лес за цветами, которые распускаются только по ночам. Еще одна девушка выходила на двор и успела залезть на дерево так, что ее не заметили. Двое детей, мальчик и девочка, сумели убежать, как я, пока их родители отвлекали на себя чудовищ. И одного совсем малыша мама накрыла своим телом, ее, конечно, убили, а его не заметили."

"То есть во всей группе - старик, дети и только трое взрослых мужчин?"

"Четверо."

М-да. Похоже, он поторопился с выводом, что теперь Тилли в безопасности. Да черт побери, она не была в безопасности, когда было живо все ее село в полном составе!

"Они вырыли землянки в лесу, - продолжала Тилли, - но их выгнал оттуда пожар. Если бы не он, мы бы, наверное, не встретились."

"И что они теперь собираются делать?"

"Они еще не решили. Большинство взрослых хотят искать какое-нибудь селение, где нас примут. Но дедушка говорит, что надо уходить на полночь... то есть на север. Там холодно и труднее находить еду, но там нет чудовищ. Они тоже не любят холод. А здесь, говорит он, нас рано или поздно всех перебьют."

Не исключено, что старик прав, подумал Родгар. По мере продвижения фронта на запад нападения лесной нечисти случаются все чаще, и если поселенцы и дальше будут считать, что главная опасность - это лорды и рыцари, угрожающие их свободе и равенству, а не монстры из леса... А королевская армия, которая могла бы решить дело в пользу поселенцев, не спрашивая их согласия, увязла на юге надолго, возможно - на десятилетия, ибо тактические победы вроде взятия Эль-Хурейма ничего не решают в стране, где удар в спину можно получить из-за каждого камня... Рано или поздно, наверное, города и замки все же вырастут и на месте нынешних дремучих лесов. В конце концов люди всегда добиваются своего, сколько бы крови ни пришлось за это пролить. Но Родгара не волновало, что будет через сто лет. Ему нужно спасти Тилли сейчас.

"Ты говорила им обо мне?"

"Вообще-то нет. Я боюсь, они мне не поверят. Скажут, что я тебя выдумала. Взрослые никогда не верят детям", - печально констатировала она.

"Ну и правильно не говорила", - откликнулся Родгар. Сначала ее и впрямь сочли бы фантазеркой или даже повредившейся в уме, а потом, когда он явился бы перед ними во плоти в качестве живого доказательства... черт его знает, как бы они отреагировали. В каждой из этих изолированных деревень свои суеверия. У этих вон даже вместо традиционной ведьмы - знахарь-мужчина, может, в их глазах всякая женская магия - еще худшее зло, чем в глазах официальной церкви. И хотя магия на самом деле вовсе не в Тилли и даже не в Родгаре, а в амулете, надежнее вообще не поднимать эту тему, чем надеяться на здравомыслие неграмотных лесовиков, пребывающих не в лучшем расположении духа после гибели всего их селения.

"Погоди, Родгар, - произнесла вдруг Тилли, - кажется, двое старших хотят о чем-то объявить."

Родгар сел в траве, обхватив руками колени. Меч лежат справа от него. Слева невозмутимо пасся Ветер, периодически помахивая хвостом. Солнце медленно опускалось к

черной кромке выгоревшего леса на другом берегу, и через озеро протянулась ослепительная золотая дорожка.

"Они договорились, - сообщила Тилли. - Они решили идти на север."

Ну да, подумал Родгар. Скорее всего, ты и послужила решающим аргументом. Два селения, уничтоженных всего за несколько дней - весомый довод в пользу того, что оставаться в этих местах не стоит. Хотя, конечно, уходить на дикий и необжитый север такой маленькой горстке, где всего четверо сильных мужчин - тоже отнюдь не лучшая идея. Он сам, наоборот, уводил бы людей на юго-восток, в более обжитые области. Впрочем, это тоже нелегкий путь - до тех краев, где лесную нечисть уже считают байками, не одна сотня миль... и там, разумеется, уже нет той безвластной вольницы, которую так ценят эти люди. С другой стороны, почему старик так уверен, что чудовищ нет на севере? Ведь там почти никто не бывал. Да, несколько отчаянных путешественников - если верить их рассказам - добирались до самого Северного океана, но если они не столкнулись при этом с лесной нечистью, это не значит, что ее там нет. Это значит, что им просто повезло. Или знахарю дают эту уверенность какие-то колдовские штучки? Вопрос, насколько они надежны...

"Тилли... ты хочешь уйти с ними? Или ты... все еще хочешь стать моей сестрой?"

"А можно?" - она словно не решалась поверить своей удаче.

"Ну... лично я не против. Но ты должна очень хорошо все обдумать. Ведь это почти что твои односельчане. Ну, пусть из соседней деревни, неважно. Я не знаю, насколько тебе будет безопасно с ними... честно говоря, очень сомневаюсь, что будет... но, по крайней мере, ты не будешь чувствовать себя чужой. К тому же с ними ты уже познакомилась лично. И среди них есть дети, с которыми ты можешь подружиться. А меня ты практически не знаешь. Я взрослый, втрое старше тебя, я рос в другом месте, меня совсем по-другому воспитывали, и для тебя я все еще не более чем голос в голове."

"Ты хороший! - повторила Тилли с еще большей убежденностью, чем раньше. - Я... я чувствую. Чувствую тебя лучше, чем если бы мы говорили словами."

"Но мы будем говорить словами, когда встретимся, - улыбнулся Родгар. - Тот амулет, через который я связываюсь с тобой - он только чтобы слышать попавших в беду. А я надеюсь, что после нашей встречи твои беды закончатся."

И возможно, не только твои, добавил он мысленно, но не стал транслировать это ей.

"Я тоже, - ответила она. - Ничего, теперь уже можно и словами."

"Ну ладно. (Неужели он вот так просто принимает решение? Ведь обратной дороги не будет. Нельзя будет потом сказать ей: "Извини, Тилли, я передумал и решил отдать тебя чужим людям"!)) Но пока оставайся с ними. Все-таки это лучше, чем быть совсем одной в лесу. Тем более что вряд ли они теперь позволят тебе уйти одной... И, по крайней мере, они тебя накормят."

"Уже накормили. Но ведь они собираются идти в почти противоположную сторону!"

"Ничего страшного. Я нагоню вас. Самое позднее - завтра утром. Еще только одна ночь, Тилли."

"Хорошо, Родгар. Я буду ждать."

Он поднялся, подошел к коню, осмотрел следы ожогов. Понятно, что они не могли исчезнуть за несколько часов, и по-хорошему Ветру стоило бы дать хотя бы пару дней полного покоя, тем более что он вполне это заслужил... но, с другой стороны, кожа под "попой" осталась здоровой, и сбруя, как и всадник, не будут травмировать ее. Исключение составляли несколько точечных ожогов от раскалившихся металлических частей сбруи - но тут уж ничего не поделаешь, придется Ветру потерпеть. Родгар погладил коня по холке.

- Ты молодец, Ветер. Еще одно последнее усилие. А потом, как заберем девочку, уже никуда не будем торопиться. Ты еще соскучишься от того, какой спокойной будет наша дальнейшая жизнь.

Конь шевельнул ухом и мотнул головой, словно соглашаясь.

Они поехали дальше по берегу озера. Поначалу Ветер взял хороший рысистый темп, но там, где берег начал заворачивать к западу - как раз в нужном Родгару направлении - под копытами неприятно зачавкало. Берег превращался в болотистый; Родгар повернул правее, прочь от воды, в надежде, что проехать через лес будет легче, но и там хлюпала и чавкала полужидкая грязь, заросшая к тому же сверху невысоким, но густым и практически непроходимым кустарником. Родгар обдумал возможность вернуться к озеру и миновать болотистый участок вплавь вместе с конем, но отверг этот вариант - вода была слишком холодной, и к тому же могла скрывать неизвестно какие опасности вроде неожиданных омутов и водоворотов. Он поехал еще дальше к востоку, но местность лучше не становилась. Возможно, в давние времена здесь проходило русло еще одной реки, со временем полностью заилившееся и превратившееся в болото; если так, то ехать вдоль него (и прочь от цели) можно было еще долго. В то же время, если предположение было верным, болото не могло быть слишком широким, и через него можно было пробиться напрямик, спешившись и рубя мечом сплетавшиеся над грязью заросли. Родгар попробовал было сделать это, пока не провалился в грязь по колено; это не было по-настоящему опасной трясинной - по крайней мере, пока - и он, ухватившись за уздечку осторожно ступавшего позади Ветра, быстро выбрался обратно на твердую почву, однако в лесу уже темнело, и лезть дальше в неизвестное болото в таких обстоятельствах было явным безрассудством. Родгар злился на это неожиданное, дурацкое, возникшее на ровном месте препятствие - которое к тому же, вполне возможно, можно было преодолеть за какие-нибудь полчаса - но он заставил себя проявить здравомыслие и остаться ждать до рассвета на твердой земле. В конце концов, утешал он себя, группа, увозящая Тилли на север, тоже наверняка остановится на ночь. И все же ему было беспокойно, и это не было обычным суеверным страхом, что дело, почти уже увенчавшееся успехом, сорвется в самый последний момент. Лесная нечисть обычно нападает по ночам... Впрочем, это касается нападений на деревни. Одинокие путники - или такие вот небольшие группы - и днем не могут чувствовать себя в безопасности. "И я в любом случае ничем не помогу ей, если увязну в болоте", - напоминал себе Родгар.

Он проснулся под утро, словно подброшенный. Нет, его разбудили не Тилли и не Ветер, а внезапно оформившаяся во сне мысль, которую он уже высказал в беседе накануне, тогда не придав ей особого значения: амулет обеспечивает связь лишь с тем, кто нуждается в спасении. Действительно, в том единственном пока случае, когда уже установившаяся связь прекратилась не из-за смерти нуждавшегося в помощи - а именно с разбойником - она исчезла (а камень, соответственно, вновь стал холодным и темным) после того, как Родгар вытащил пострадавшего из берлоги. Это не значило, что тому не грозят другие опасности, но данная конкретная беда, обеспечившая контакт, была исчерпана. Что, если теперь, когда Тилли присоединилась к группе селян, произошло то же самое? Если беда, связанная с гибелью ее деревни, считается более неактуальной, и связи больше не будет? И он не найдет ее... никогда уже не найдет в этих дремучих лесах, тянущихся до самого Северного океана...

Родгар торопливо сжал рукой камень. Нет. Тот был по-прежнему теплым, и контакт жил. Да и в самом деле, не может же какой-то кусок черного кварца решать, нуждается кто-то в помощи или уже нет! Это... наверняка это решает сам нуждающийся. Разбойник, едва оказался в безопасности, хотел поскорее спровадить своего спасителя. А Тилли по-прежнему ждет его.

Но Родгар почувствовал и кое-что, что ему не понравилось. Расстояние увеличилось на несколько миль. Похоже, что группа шла всю ночь, торопясь как можно скорее уйти из опасных мест, где за несколько дней погибли две деревни.

Ну ладно. Если они шли ночью, значит, встанут на привал днем, а скорее, уже встали. Тем более, там половина - дети, а не натренированные на марш-броски солдаты... Родгар негромко позвал Тилли, но не получил ответа. Ну точно, спит. Вместе с остальными, очевидно. Надеюсь,

подумал Родгар, что хотя бы одного бодрствующего часового они все же выставили...

Светало. Понизу стлался туман, и деревья казались призраками, висящими над землей. Заросшее кустарником болото полностью скрывалось в белесом мареве - прекрасная ловушка для неосторожного путника. Родгар, досадуя на очередную задержку, ждал прояснения.

Наконец с востока пробились косые солнечные лучи, и туман стал таять. Родгар разглядел, что дальше к востоку кустарник практически сходит на нет, сменяясь зарослями сочной зеленой травы, окружающей отдельные редкие кустики. Но это его как раз не порадовало - это означало, что там-то и начинается настоящая трясина. Однако полоса густого кустарника прямо перед ним оказалась действительно неширокой, не больше полусотни ярдов - дальше вновь высились древесные стволы, слишком мощные, чтобы держаться в нетвердой почве. Теперь, при свете, с высоты седла Родгар смог различить, что кусты образуют не сплошную массу спутанных и переплетенных веток, а некий рисунок типа сети с ячейками разного размера и формы; при этом как раз там, где они росли гуще, где были их корни, почва, очевидно, была надежнее, а вот обманчиво привлекательные более свободные участки, куда дотягивались разве что ветки с боков, представляли собой сплошную жидкую грязь, поросшую ряской и мхом. Осознав этот принцип, Родгар наметил путь через болото - не прямой и требующий много работы мечом совсем не в привычном для благородного оружия качестве (хотя - почему рубить кусты считается делом менее благородным, чем убивать людей?), но, по всей видимости, позволявший, не особо увязая в грязи, пройти через болото самому и провести за собой коня.

Расстояние, не превышавшее пятидесяти ярдов по прямой, Родгару пришлось преодолевать почти час. Но, наконец, они с Ветром вновь выбрались на твердую землю. Родгар счистил комки грязи с потяжелевших сапог, а затем и с ног коня, вскочил в седло и поскакал туда, куда вел его камень - на северо-северо-запад.

Часа через два резвой рыси они въехали в сосновый бор, где сухая и твердая, покрытая лишь тонким слоем опавших иголок почва позволила еще увеличить темп. Родгар радовался, чувствуя, как сокращается расстояние - беженцы, намайавшиеся накануне, очевидно, все еще спали. Он впервые подумал о них не как о некоем факторе, отдаляющем или приближающем его встречу с Тилли, а как о конкретных людях. Что делать с ними после того, как он заберет девочку? Не отдать ее человеку с мечом они, конечно, не могут, и если они после этого намерены продолжать путь на север, это их дело. Но если они сменят свои планы и попросят под его защиту? Выразят готовность идти туда же, куда он? Предложат ему то, чего так категорически не хотели их собратья в целых и многолюдных селениях - стать их лидером? Нет, только не с такой куцей группой. Среди них наверняка нет даже кузнеца, способного ковать оружие... Максимум, что он может для них сделать - это проводить до ближайшего еще не разоренного села, да и то... Пешая группа, особенно такого состава, замедлит его продвижение, но это еще полбеды. Хуже то, что защитить от лесной нечисти, да и от обычных хищников, одну Тилли он сможет (в худшем случае - просто ускачет вместе с ней на коне), а вот сразу полдюжины детей - едва ли. Просто не успеет прикрыть каждого (а взрослые, безоружные и необученные, не помогут, а будут только путаться под ногами его коня). Да, объективно говоря, они имеют ничуть не меньшее право на жизнь. Не меньшее, чем Тилли, и не большее, чем их уже убитые односельчане или жители других деревень, которые уже погибли или погибнут в будущем. Деревень и городов, здесь и по всему миру. Он не может спасти всех. И он уже решил, что даже не будет пытаться это делать. Но готов ли он просто сказать им: "Нет, я поехал, а вы выкручивайтесь, как знаете"? Что характерно, ни один ревнитель рыцарской чести не осудил бы его за это - подумаешь, какие-то крестьяне, существа чуть повыше свиней, но определенно ниже благородных оленей (в цивилизованных краях браконьера, убившего оленя в графском лесу, ждет виселица, а вот за убийство крестьянина полагается лишь денежный штраф). Но какими глазами посмотрит на него Тилли? "Ты хороший." Он с удивлением понял, что теперь эта простая характеристика для него важнее и накладывает большую ответственность, чем

сословная честь двенадцати поколений дворянских предков...

Лучше бы они все-таки сами решили идти, как шли, на север! Или даже... вообще с ними не заговаривать? А просто, если они еще спят, позвать Тилли, пусть тихонько выйдет к нему - даже если какой-то крестьянский увалень и стоит на часах, она наверняка сумеет ускользнуть в противоположном направлении - и уехать прочь, предоставив их собственной судьбе, к которой Родгар не имел ранее и не обязан иметь впредь никакого отношения... И все же такое решение отдавало тухлым привкусом трусости. К тому же они ведь обеспокоятся из-за пропажи девочки. Возможно, примутся ее искать, задерживаясь из-за этого в опасных для них местах - то есть Родгар уже не просто не повысит, а понизит их шансы на спасение... Хотя, конечно, если они увидят следы копыт, то поймут, что девочку забрал человек, а не зверь - но хватит ли им ума отыскать эти следы, и успокоит ли их это? Он бы мог оставить им записку - если бы они умели читать (а ему бы было чем и на чем писать)... Ну ладно, для начала неплохо бы выяснить, какая вообще обстановка в их лагере. Родгар позвал Тилли громче прежнего, и на этот раз девочка откликнулась.

"Не выпалась?"

"Мы шли всю ночь, - подтвердила она его предположение, - только перед рассветом вышли к острову. Взрослые решили, что это хорошее место для стоянки."

"Какому острову?"

"Посередине реки."

"Это все та же самая река, что течет мимо твоего селения, а потом впадает в озеро?"

"Не знаю. Наверное. Я же говорю, она петляет. Но никто не лазил на дерево посмотреть. Все слишком устали."

"Понимаю. Река широкая? От острова до берегов большое расстояние?"

"Да нет, не очень."

"И, как я понимаю, там и не глубоко, вы вброд перешли?"

"Да, с южной стороны. А с северной протока хоть и узкая, но глубокая вроде. Взрослые решили, что повалят дерево, чтобы на другой берег перейти. Но это уже сегодня днем, как все отдохнут."

"Ясно", - не слишком хорошая диспозиция. Несведущим в военном деле крестьянам, конечно, кажется, что они нашли идеальное место, где река защищает их со всех сторон. А на самом деле они загнали себя в ловушку, откуда, если их атакуют с юга, не будет выхода. Возможно, они полагаются на легенды, гласящие, что лесная нечисть боится проточной воды. Но более реалистичной Родгар считал другую слышанную им версию - что, хотя чудовища действительно слишком тяжелы, чтобы плавать, однако прекрасно могут переходить реку по дну вброд и даже полностью скрываясь под водой - по крайней мере, на какое-то время. Если это правда, они могут атаковать остров даже и с двух сторон, в том числе с севера, откуда их никто не ждет... хотя такое потребовало бы слишком сложной для этих тварей координации действий... но - никогда не стоит недооценивать противника.

"Тилли, у вас стоит кто-то на часах?"

"На часах?"

"В смысле, на страже. Следит кто-нибудь, чтобы никакие враги не перебрались через протоки, пока остальные спят?"

"Вроде они хотели кого-то оставить на берегу, но я так быстро уснула... Пойти посмотреть?"

"Да, посмотри."

"А ты где?"

"Я уже близко. Но ты проверь все-таки, как там поживает ваш часовой."

Пауза длилась пару минут, затем сменилась возмущенным восклицанием Тилли: "Он дрыхнет! Я так и знала! Разлегся прямо на берегу! Пойду разбужу."

Может, не надо этого делать, мелькнула мысль у Родгара - забрать девочку из спящего лагеря со спящим часовым было бы проще всего, но он тут же устыдился этой идеи. Нет, конечно, бесчестно было бы бросать их в опасности. Он не обязан брать их под свою защиту, но хотя бы растолкать недотепу-часового... Да уж, крестьяне, что с них взять. Нет, тут же поправился Родгар, он не должен их презирать, они умеют немало такого, чего не умеет он сам, ему понадобится помощь таких, как они, чтобы построить дом - но просто они не солдаты, и даже гибель двух деревень не сделает в один момент из необученного крестьянина сол...

"Родгар!!! Он не спит! Он..."

"Тилли, беги!!! - сразу все понял Родгар, бросая коня в карьер. - Беги и поднимай тревогу!"

Может, это была неправильная команда, мелькнула запоздалая мысль. Может, надо было велеть ей спрятаться, а с остальными пусть будет, что будет - тем более что у них и так нет шансов отбиться. Но куда спрячешься на маленьком острове? Твари наверняка прочешут его целиком, на это у них ума хватит...

"Родгар, это чудовища! Они уже на острове!"

"Я знаю! Я уже рядом! Продержись, Тилли! Бегай! Уворачивайся! Не дай им себя убить! Продержись еще совсем немножко! Ты обещала дожждаться! Не может же быть, что все это зря!"

Оставалось еще около трех миль. К счастью, лес вокруг был редким и позволял мчаться по прямой на самой быстрой скорости - но выдержит ли такой темп Ветер? Родгар почти лег на его холку, чтобы уменьшить сопротивление воздуха - это было все, что он мог еще сделать. Пять минут... пять драгоценных минут... сколько раз он тратил куда больше времени впустую за минувшие два дня? Когда возвращался назад из-за того, что его, видите ли, встревожил треск ветки в лесу... когда позволил себе заснуть на берегу озера... когда решил отложить до утра форсирование болота - ведь можно было, черт побери, соорудить факел и освещать себе путь... и вот теперь ему не хватает пяти паршивых *минут!*

Сколько продержится жалкая горстка крестьян, вооруженная в лучшем случае палками, против здоровенных монстров, влегкую вырезающих целые деревни? Наверное, твари со своим проклятым чутьем взяли след группы еще ночью и шли за ней, выжидая наилучшего момента для атаки... Но почему они не напали сразу на такую маленькую группу, явно не способную оказать достойное сопротивление? Или... все-таки способную? Может быть, и самих тварей тоже мало? И кстати - беженцы собирались срубить дерево, значит, у них есть, по крайней мере, топоры... хотя простой крестьянский топор - не очень хорошее оружие против монстра с конечностями вдвое длиннее человеческих, каждая из которых оканчивается четырьмя ножами стальной крепости и остроты. Но речь не идет о том, способны ли эти несчастные четверо крестьян - ну, пусть даже пятеро или шестеро, если старик еще достаточно крепок, а кто-то из младших уже подросток - *победить*. Речь лишь о том, удастся ли им растянуть свою гибель на пять минут. Прежде чем монстры займутся беспомощными детьми... и в особенности одним ребенком...

"Роодгар! Где ты?! Скорее!!!"

"Сейчас, Тилли! Сейчас! Я... я уже вижу реку!"

Это была правда. Родгар уже различал впереди между деревьями не только блеск воды, но и горбатые очертания острова. Ветер мчался в том же темпе, оправдывая свое имя, но всадник чувствовал коленями, как бешено колотится его сердце, и беззвучно молил его так же, как и Тилли - продержись, пожалуйста, продержись еще совсем чуть-чуть...

Конь вылетел на берег, вышвыривая песок из-под копыт, и почти на той же скорости влетел в воду, вздымая тучи брызг. Перед глазами Родгара мотался вверх-вниз продолговатый горб острова, действительно слишком небольшого, чтобы на нем можно было долго убежать или прятаться. Весь остров покрывала высокая трава, и лишь в самой высокой его точке росло одинокое дерево - видимо, то самое, которому теперь так и не придется стать мостом. Дереву

повезло, а людям - нет.

Впрочем, не только людям. Пока конь форсировал протоку - действительно неширокую и неглубокую, вода не доходила до его груди - Родгар с удивлением (и безмерной радостью) понял, что различает один из самых отвратительных запахов на свете - запах крови чудовищ (или как там назвать эту жижу, заменяющую им кровь). Действительно, трава на острове была забрызгана не только красным, но и серо-зеленым, и среди нее угадывались очертания мертвых тел, некоторые из которых были слишком велики для человека. К тому времени, как Ветер выбрался на берег острова, а Родгар проморгался от летевшей в лицо воды, на ногах еще оставались четыре человека и - Родгар не поверил такому счастью - всего два монстра, каждый из которых бился с двумя противниками.

Но все эти люди были взрослыми мужчинами.

Однако камень на груди рыцаря все еще жил.

Конечно, тут же сообразил Родгар. Он же видит только южную часть острова! Мужчинам удалось связать боем - и даже сразить! - нескольких чудовищ, но остальные, очевидно, просто обошли их и теперь добивают беспомощных детей, жмущихся к берегу слишком глубокой протоки на северной стороне.

Ближайший к Родгару монстр пребывал не в лучшем состоянии. Его атаковали - теперь уже именно атаковали, а не отбивались от него! - двое молодых парней, один с копьем, а другой - с самодельной алебардой, представлявшей собой обычный топор лесоруба, насаженный на оглоблю, причем это неказистое на вид оружие оказалось неожиданно эффективным: одна рука чудовища была отрублена почти по локоть и истекала серо-зеленой гадостью, другая висела плетью. Добить монстра не составляло труда, но Родгар не стал на него отвлекаться, ибо амулет вел рыцаря на вершину острова, а этот бой шел правее. Алебардщик вновь замахнулся своим оружием, надеясь, как видно, нанести решающий удар - и вдруг чудовище с молниеносной быстротой выбросило вперед ногу. Четыре когтя, столь же длинные и смертоносные, что и на руках, ударили парня в живот, пропороли его насквозь и вышли из спины. Но и алебардщик - не то последним сознательным усилием, не то просто корчась в агонии - рубанул чудовище топором в грудь, и оба рухнули в траву. Копейщик, видя, что тут все кончено, побежал наверх, помогать двум своим еще живым товарищам.

Родгар лишь на мгновение отвлекся на эту сцену и вновь устремил взгляд на вершину острова, где возвышался над своими противниками второй монстр. Этими двумя противниками - пока не успел подбежать третий - также были копейщик и алебардщик, и Родгар подумал с невольным уважением, что крестьяне сумели-таки разработать довольно неплохую тактику работы в парах древковым оружием против вдвое превосходящих ростом и длиной конечностей тварей. Жаль, что она не спасла их деревню - Впрочем, на стороне нечисти была, конечно, внезапность ночного нападения... Однако и у этих двоих дела обстояли далеко не блестяще. Монстр - вполне грамотно использовавший ствол дерева для прикрытия тыла - похоже, все еще не получил серьезных повреждений, в то время как рубаха алебардщика быстро намокала от крови, а копейщик пытался отвлечь тварь от раненого товарища уже, собственно, не копьем, а лишь обломком такового.

Родгар, однако, и здесь не стал бы вмешиваться - не стал бы терять драгоценных мгновений на лишний удар мечом - если бы амулет вел его через вершину на другую сторону острова. Но камень указывал, что Тилли где-то рядом с вершиной. Он вспомнил о ее умении лазать по деревьям - неужели она взобралась на эту здоровенную сосну, а поселенцы потому и атакуют чудовище у подножья дерева - не отступая, несмотря на понесенный ущерб, и не пытаясь выманить врага на открытое пространство - чтобы не дать твари вскарабкаться следом? Родгар посмотрел вверх до самой кроны, но нигде не увидел человеческой фигурки. Нет, конечно, по такому высоченному гладкому и толстому стволу без единой ветки - самые нижние из них росли лишь в паре дюжин ярдов над землей - не взобраться даже акробату из бродячего

цирка, а не то что маленькой девочке.

Этот взгляд вверх и это осознание заняли лишь мгновение. И все же, когда Родгар заметил стремительное движение справа, было уже слишком поздно.

Безрукий поверженный монстр, истекающий зловонной слизью, которого Родгар считал уже мертвым, бросился из травы наперерез рыцарю. Родгар рубанул мечом, рассекая мертвенно-бледную морщинистую шею - и чудовище рухнуло на землю между передними и задними копыта коня. Ветер, даже в гору поднимавшийся в хорошем темпе, легко оттолкнулся задними ногами, преодолевая это внезапное препятствие.

И в тот же миг Родгар почувствовал, как резко дернулось тело коня.

Еще несколько мгновений Ветер продолжал скакать вверх. Но его брюхо было располосовано от ребер до паха, и с каждым прыжком из ужасных ран вываливалась на траву кровавая требуха.

"Нет! - Родгар едва не завопил в голос, когда понял, что произошло. - Нет, Ветер, нет!!!"

Единственное живое существо, которое он еще считал другом в этом мире. До того, как познакомился с Тилли. Неужели сейчас он потеряет их обоих?!

Он успел спрыгнуть на землю за миг до того, как конь рухнул в траву. Или, возможно, это Ветер оказал хозяину последнюю услугу, продержавшись на ногах достаточно, чтобы не придавить его своим боком. Родгар приземлился не очень удачно, упал на одно колено, но тут же вновь вскочил, воздевая меч, липкий от гнусной крови монстра. Вот ведь проклятая тварь, подумал Родгар. Ведь могла бы притвориться мертвой, отлежаться в траве и, возможно, оклемалась бы со временем. Говорят, потерянные конечности у них потом отрастают заново... Но - нет, увидел человека - убей! Даже ценой собственной жизни! Едва не рыча от горя и ненависти, он побежал к вершине холма, где еще один столь же омерзительный монстр бился уже против трех человек. Девочки по-прежнему не было видно, но она была где-то совсем рядом с местом боя - если не на дереве, то, видимо, в траве у ног чудовища. Возможно, оглушенная ударом, возможно, раненая - но определенно все еще живая.

"Родгар! Где же ты, Родгар?!"

- Я здесь, Тилли! - впервые закричал он не мысленно, а голосом, желая одновременно отвлечь чудовище, способное оборвать жизнь Тилли одним движением когтистой лапы, и дать знать селянам о прибытии подкрепления. - Я иду!

Двое из трех поселенцев бросили на него быстрые взгляды через плечо. Отреагировал и монстр, резко повернувшись к рыцарю свою уродливую голову. До чего же все-таки безобразные твари, подумал Родгар, подбегая. Длинный, вытянутый вперед голый череп, кончающийся тремя рядами острых коричневых зубов в безгубой пасти, кажущийся также безухим и безглазым - хотя на самом деле в роли ушей выступают длинные слуховые щели сверху, а глаз у нечисти целых четыре: два - в нижней челюсти и два - на ладонях; дряблая, висящая складками белесая бородавчатая кожа (на самом деле не уступающая прочностью легкому доспеху); зобатая шея, словно монстр проглотил гигантскую шишку, застрявшую у него в горле; руки с лишним суставом, растущие прямо из живота, и такие же членистые ноги, между которыми болтается что-то вроде испещренного багровыми дырами вымени, один вид которого вызывает тошноту...

Монстра, похоже, так поразил вид человека с невиданным в этих краях рыцарским мечом, что он застыл на несколько мгновений, как раз понадобившихся Родгару, чтобы подбежать вплотную, и лишь в последний миг выставил вперед левую ладонь с желто-коричневым глазом, смотревшим из кожистой складки в середине (еще одно зрелище не для людей со слабыми нервами и желудком). Родгар помнил, что теперь он не защищен доспехами и рубит не с удобной высоты седла, компенсирующей разницу в росте; тем не менее, его мозг тренированного бойца уже просчитал маневр, позволяющий проскользнуть мимо страшных когтей и нанести смертельный удар. Но в последний момент Родгар споткнулся.

Высокая трава сыграла с ним злую шутку. Она скрывала бугор, на котором стояло

чудовище - оказавшееся, таким образом, ниже обычного для ему подобных роста. Рыцарь рухнул с разбега прямо к ногам монстра. Одна из этих ног поднялась, чтобы, очевидно, разорвать когтями его шею. Но Родгар, стремительно перекатившись, вонзил меч вертикально вверх в омерзительное вымя, или чем оно там было на самом деле, и дальше в брюхо, насколько хватило длины рук и клинка. Чудовище издало что-то вроде хриплого булькающего визга и рухнуло навзничь. Родгар выдернул меч, на всякий случай еще провернув его в ране, и пружинисто поднялся на ноги. И тут же по оскаленному черепу поверженного монстра замолотил топор опомнившегося алебардщика (точнее, бывшего копейщика, перехватившего оружие у раненого товарища), а в морщинистую грудь воткнулось последнее целое копьё.

- Спасибо, ребята, - усмехнулся Родгар, - но, думаю, это лишнее - оно уже мертво.

Сколько их еще тут?

- Это последнее.

- Отлично! А где девочка?

- Какая девочка?

Они смотрели на него с явным недоумением.

- Которую вы выбрали вче... - произнес Родгар, раздраженный их непонятливостью, и замер, не договорив. Его взгляд уперся в правую руку твари. Лишь теперь он заметил то, что помогало чудовищу отбиваться сразу от трех противников столь успешно. Это была хорошая, крепкая рогатина, длиной почти в человеческий рост, с остро заточенными концами.

Никогда ни одна легенда, даже самая сомнительная, не упоминала, чтобы лесная нечисть использовала какое-либо оружие. Этим существам всегда хватало собственных когтей.

Родгар судорожным движением сунул руку под рубашку и выхватил амулет.

Камень был холодным и мертвым. Как и изувеченное тело, распростертое в траве.

"Увидишь человека - убей."

"Они не шадят ни женщин, ни детей, ни молодых, ни старых."

А как поступаем мы, когда на земли, где мы жили веками, вторгаются смертельно опасные хищники?! "Чудовища пришли из леса и всех убивают" - ну да, конечно, из леса, откуда еще они могут прийти к тем, кто всю жизнь живет в лесу... Как поступаем мы с волчьей стаей, ворвавшейся в деревню? Разве мы шадим волчиц и волчат? На человека, который предложит сохранить их "на развод", посмотрят, как на сумасшедшего. И разве мы ограничимся пассивной обороной - особенно если волки наглеют все больше? Разве не отправим охотников в лес искать и уничтожать волчьи логова? Да что там волки - как мы обходимся даже с безвредными в общем-то тараканами? Только потому, что они нам противны. А эталоном красоты мы считаем, разумеется, себя...

Но кто же мог знать?! Кто мог знать, что они разумны? Что у них не логовища, а селения, что у них не вожаки, а старейшины и знахари, что у них есть имена, что они испытывают такие же дружеские и родственные чувства? Что они не пользуются орудиями и одеждой только потому, что лучше нашего приспособлены к жизни в лесу?

А если бы знали - что бы изменилось?! Разве хоть один из тех, кто устраивал и благословлял бойню в Эль-Хурейме - и все прочие бойни той бесконечной войны, причем с обеих сторон - не знал, что перед ним разумные существа? Что перед ним точно такие же люди, как он сам? И уж если никого не остановило даже это... Даже церковь признает, что у язычников есть душа. Что ничуть не мешает вести против них Священную Войну. А тут - все догматы полетят к чертям. Может существовать лишь один вид живых существ, имеющий душу, ибо он есть образ и подобие Бога Единого. А если существует и другой, то *чьим* тогда образом и подобием являются они? Ответ, который даст церковь, очевиден. И практические выводы, которые из него последуют, тоже. Пока что Конгрегация Стражей Веры считает "лесную нечисть" всего лишь простонародным суеверием. Но если она узнает правду...

И найдутся ли, интересно, среди людей еретики, которые провозглашают, что из двух видов

именно *они* - образ и подобие бога, а *мы* - дьявола? Если посмотреть на то, как мы ведем себя в этом мире, такая точка зрения представляется куда более логичной...

А он сам? Если бы он узнал раньше? Если бы догадался по мелким деталям типа гастрономических особенностей типичного хищника или способности слишком легко лазить по деревьям (еще бы, с такими-то когтями)? Разве он смог бы стать ее братом и другом? Он мог бы закрывать глаза и представлять себе Тилли в образе Сандры - но открывая глаза и видя перед собой *вот это*... А ведь она успела понять, что он - это он. И была шокирована, конечно - но не пыталась его убить. До самого конца. Ладонь глазом вперед - это явно не жест агрессии или даже самозащиты. В драке глаза защищают, а не подставляют противнику. И когда он упал к ее ногам, она убрала ногу, чтобы он случайно не поранился о когти.

"Ты хороший."

"Увидишь человека - убей."

Меч Родгара взвился над головой...

- Мужик, ты чего?! - испуганно попятился алебардщик, тщетно дергая топор, застрявший в черепе Тилли.

Меч полетел в траву, так и не обогранный человеческой кровью. Единственная кровь на нем осталась серо-зеленой.

* * *

- Ну и сколько ты хочешь за этот... амулет?

- Одну крону. Всего одну крону.

2016